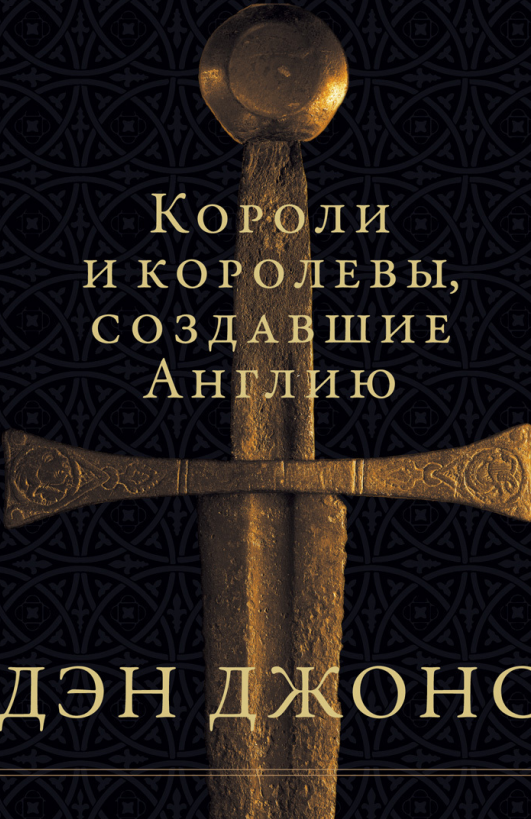

БЕСТСЕЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

Плантагенеты

КОРОЛИ
И КОРОЛЕВЫ,
СОЗДАВШИЕ
АНГЛИЮ

ДЭН ДЖОНС

Дэн Джонс

Плантагенеты. Короли и королевы, создавшие Англию

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65203746

*Плантагенеты. Короли и королевы, создавшие Англию: Альпина нон-фикшн; Москва; 2021
ISBN 9785001394754*

Аннотация

Первые короли династии Плантагенетов унаследовали от своих предков-норманнов залитое кровью царство и превратили его в империю, простиравшуюся от Шотландии до Палестины. В этой эпической хронике мужества, предательства, амбиций и обмана Дэн Джонс воскрешает непокорную королевскую династию, каждый представитель которой был замечательной и запоминающейся фигурой.

Перед глазами читателя пройдут: Генрих II и его жена Алиенора Аквитанская, дважды королева и самая известная женщина в христианском мире; их сын Ричард Львиное Сердце, который сражался с Саладином в Третьем крестовом походе; и его коварный брат король Иоанн, вынужденный подписать Великую хартию вольностей, ставшую первым в Европе примером ограничения королевского произвола.

Сочетая последние академические исследования с даром рассказчика, Джонс ярко воссоздает великие битвы при Бэннокберне, Креси и Слэйсе и показывает, как короли Эдуард II и Ричард II встретили свои последние дни. Это эпоха рыцарства и Черной смерти, тамплиеров, основания парламента и Столетней войны, когда национальное самосознание Англии было выковано мечом и судебским молотком.

Содержание

Предисловие	23
Часть I	37
Белый корабль	37
В поисках наследника	45
Крушение	51
Честолюбивые замыслы	65
Скандальный брак	71
Генрих завоеватель	80
Мирный процесс	87
Часть II	94
Рождение и возрождение	94
Вселенная плантагенетов	107
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Дэн Джонс Плантагенеты. Короли и королевы, создавшие Англию

Переводчик *Галина Бородина*

Научный редактор *Николай Сайнаков, канд. ист. наук*

Редактор *Любовь Сумм*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Арт-директор *Ю. Буга*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Корректоры *И. Астапкина, М. Ведюшкина*

Адаптация оригинальной обложки *Д. Изотов*

© Dan Jones, 2012

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО
«Альпина нон-фикшн», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и

иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*** * ***

ДЭН ДЖОНС

Плантагенеты

КОРОЛИ
И КОРОЛЕВЫ,
СОЗДАВШИЕ
АНГЛИЮ

Перевод с английского

Москва
2021

Разумный человек должен учитывать, что благосклонность Фортуны изменчива, а колесо ее вращается без остановки... Правителю стоит быть осторожнее и никогда не забывать, что, хотя милосердный Творец... долготерпелив и кроток... Он, тем не менее, сурово карает своеправных упрямцев и обрушивает на них возмездие обычно еще при земной их жизни.

Геральд Камбрийский.

Завоевание Ирландии

КАРТЫ

Англия во время войны между Стефаном и Матильдой,
1135–1154 гг.

Империя Плантагенетов на пике могущества, 1187 г.

Империя Плантагенетов к концу царствования Иоанна,
1216 г.

Уэльские замки Эдуарда I

Битвы Плантагенетов в Шотландии

Франция при Эдуарде III, 1360 г.

Англия в годы войны между
Стефаном и Матильдой,
1135–1154 гг.

ИМПЕРИЯ ПЛАНТАГЕНЕТОВ
НА ПИКЕ МОГУЩЕСТВА, 1187 г.

ШОТЛАНДИЯ

Северное
море

Ирландское
море

Уэльс

АНГЛИЯ

Лондон

ФЛААНДИЯ

ВЕРМАНДУА

НОРМАНДИЯ

Париж

ШАМПАНЬ

БРЕТАНЬ

МЭН

БАУА

ЗЕМЛИ
КОРОНЫ

АНЖУ

ТУРЕНЬ

САНСЕР

БЕРРИ

НЕВЕР

БУРГУНДИЯ

ШАТО-РУ

БУРБОН

ПУАТУ

ОНИС

АНГУЛЕМ

ЛА МАРШ

ФОРЕ

САВЕНЬ

АНГУЛЕМ

АИМУЗЕН

ОВЕРНЬ

АКВИТАНИЯ

ПЕРИГОР

АЖЕН

ГАСКОНЬ

КАЮР

АРМАНЬЯК

ТУЛУЗА

НАВАРРА

БЕАРН

БИГОРР

АРАГОН

БАРСЕЛОНА

- Территории, удерживаемые
французской короной
- Территории Плантагенетов

Империя Плантагенетов к концу
царствования Иоанна, 1216 г.

Северное
море

Ирландское
море

Лондон

Париж

Анжуйская империя

Французское королевство

Уэльские замки Эдуарда I

Ирландское
море

Бомарис

Конвей

Рудлен

Конвей

Денби

Флинт

Гаварден

Руфин

Карери

Холт

Долвиддлан

Крикайет

Харлач

Чирк

Залив
Кардиган

Кастел-и-Бер

Шрусбери

Аберистуит

Долфоруин

Монтгомери

Кардиган

Билат Уэлс

Кармартен

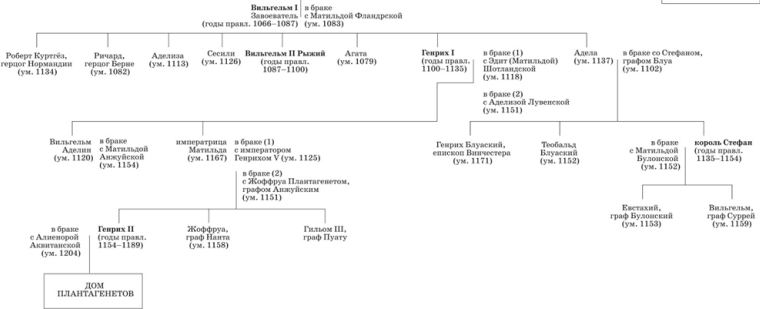
Бристольский залив

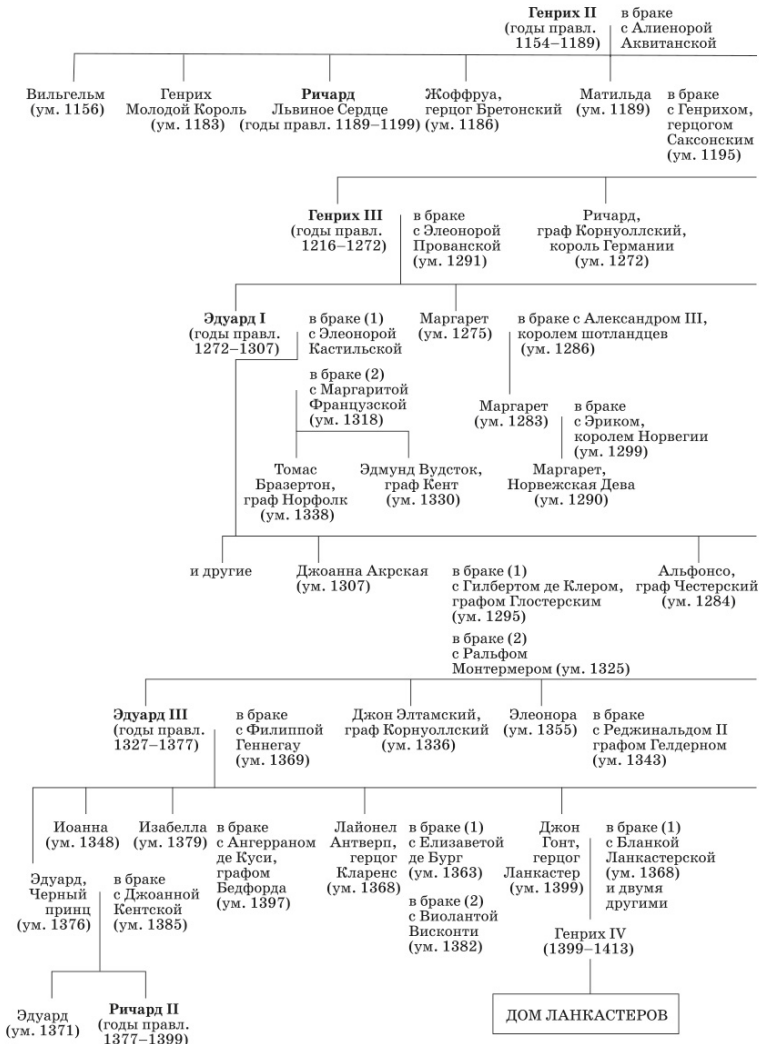
Битвы Плантагенетов в Шотландии

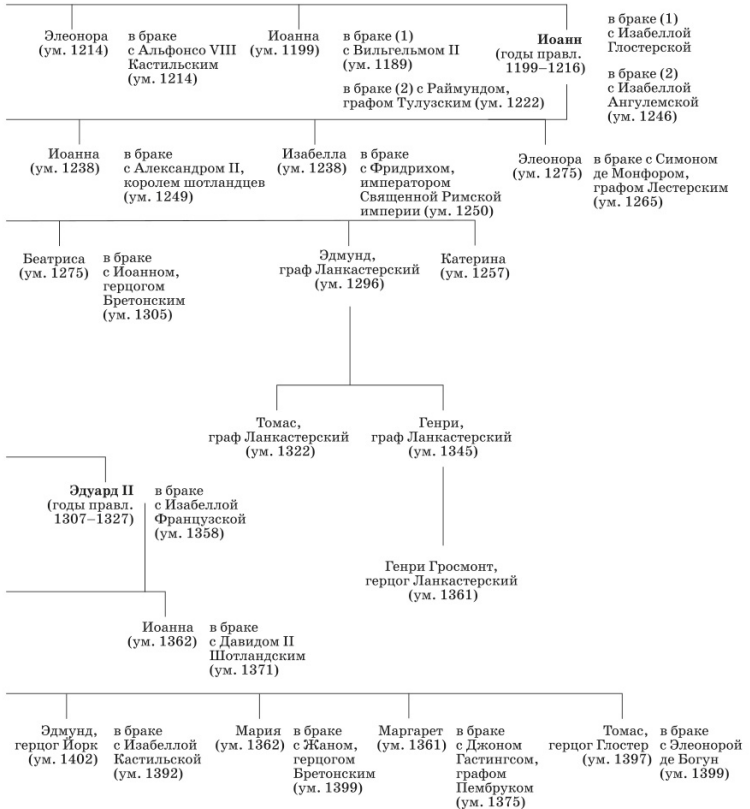
Франция при Эдуарде III, 1360 г.

ПЛАНТАГЕНЕТЫ

Предисловие

Кто такие Плантагенеты? Никто из героев этой книги так себя не называл, за исключением одного – Жоффруа, графа Анжуйского, красивого, задиристого, рыжеволосого юноши, родившегося в 1113 году: он украшал свой шлем веточкой дрока, а щит – изображением львов. Латинское название растения (*planta genista*) подарило имя династии Плантагенетов, а шествующие львы стали геральдическим символом английских королей: знамя со львами несли перед огромными армиями, вступавшими в сражение в разных уголках мира – от холодных равнин Шотландии до пыльных пустынь. Ирония истории: Жоффруа никогда не бывал в Англии, не особенно интересовался делами этого королевства и умер в 1151 году, за три года до того, как его старший сын взойшел на английский престол.

И тем не менее Плантагенеты – громкое имя. Короли, потомки Жоффруа, правили Англией дольше двух столетий: первым был Генрих II, унаследовавший корону в 1154 году, последним – Ричард II, которого в 1399 году лишил короны его кузен Генрих Болингброк. Плантагенеты продержались на английском троне дольше всех прочих королевских династий; именно в период их правления был заложен фундамент страны, которую мы сегодня называем Англией. Были определены границы королевства, установлены отношения с

соседями – прежде всего с Шотландией, Уэльсом, Францией и Ирландией, а также с Нидерландами, папским престолом и странами Пиренейского полуострова, которые позже войдут в состав Испании. Возникли основы законодательства и правительственные институты, дожившие до наших дней, – одни были созданы целенаправленно, другие появились благодаря случаю или под давлением обстоятельств. Были придуманы исторические мифы и легенды, оформились культы двух национальных святых: Эдуарда Исповедника и святого Георгия. Английский язык превратился из сырого, грубого местного диалекта в язык парламентских дебатов и поэтических сочинений. Были воздвигнуты великолепные дворцы, замки, соборы и памятники – и многие из них стоят до сих пор, свидетельствуя о гении людей, которые их проектировали, строили и защищали от неприятеля. Рождались, умирали и становились легендами герои и злодеи, чьи имена до сих пор отдаются эхом на страницах истории. (Кое-кто из этих злодеев носил корону.) Состоялся ряд самых знаменательных и впечатляющих битв в истории Европы: при Бувине и Бэннокберне, при Слэйсе и Уинчелси, при Креси и Пуатье. Военные тактики претерпели революционные изменения: во времена нормандцев война была искусством осады крепостей, а уже в конце XV века в обычай вошел встречный бой, и англичане – и их тяжеловооруженные всадники и меткие лучники – стали грозой Европы. Более того, к концу эпохи Плантагенетов англичане начали овладевать искусством

морских сражений. Тактики морского боя совершенствовались медленнее тактик боя на суше, но к середине XIV века Англия уже могла задействовать нечто вроде военного флота для защиты побережий и для атак на вражеские суда. Невозможно отрицать, что в эпоху Плантагенетов творились вещи дикие, свирепые, жестокие и глупые, но к 1399 году, которым заканчивается эта книга, королевство на холодном острове, в 1066 году завоеванное Вильгельмом, бастардом из Нормандии, превратилось в одно из самых сложно устроенных и влиятельных государств христианского мира. И в сердце его лежали престиж и могущество королевской семьи.

В книге описывается этот процесс становления государства, что не мешает ей быть также и занимательным чтением. Это повествование, включающее множество великих событий из истории Англии, случившихся между крушением Белого Корабля в 1120 году и официальным низложением Ричарда II в 1399 году. В числе таких событий – масштабная гражданская война между Стефаном и Матильдой; убийство Томаса Бекета рыцарями Генриха II; Великая война 1173–1174 годов; сражения Ричарда I с Саладином в Третьем крестовом походе; война баронов против короля Иоанна и подписание Великой хартии вольностей; последующие беспомощные попытки Генриха III справиться с баронами, возглавляемыми его зятем и заклятым врагом Симоном де Монфором; военные кампании Эдуарда I в Уэльсе и Шотландии; эксцентричная любовная связь Эдуарда II с Пирсом Гавесто-

ном и его нерадостное отречение от престола в 1327 году; политика Эдуарда III, спровоцировавшая Столетнюю войну, в которой он бился бок о бок со своим сыном, Черным принцем, и взял в плен короля Франции; последующее учреждение ордена Подвязки в честь обретенного Англией военного превосходства; Черная смерть, выкосившая Европу; героизм, проявленный Ричардом II в борьбе с Уотом Тайлером во время крестьянского бунта 1381 года, и деспотизм Ричарда, лишивший в итоге его трона, узурпированного Болингбромом. Эти сюжеты интересны и сами по себе; но вместе они представляют собой канву английской истории, которая до сих пор, даже в культурном хаосе XXI столетия, определяет Англию как страну и народ. Короли династии Плантагенетов не только создали Англию как политическую, административную и военную единицу. Они помогли сформулировать саму идею Англии – идею, которая сегодня важна не меньше, чем когда-либо прежде.

Это объемная книга, и она могла бы быть еще толще. Чтобы облегчить чтение, я разделил текст на семь частей. Часть I, «Эпоха крушения», иллюстрирует печальное состояние, в которое погрузилась Англия к концу периода нормандского правления, начавшегося с Вильгельма Завоевателя и продолжившегося царствованием двух его сыновей, Вильгельма Рыжего и Генриха I. После смерти Генриха Англию и Нормандию охватила грязная, парализующая гражданская война. Ее вели между собой два претендента на трон: внук За-

воевателя, король Стефан, и внучка, императрица Матильда. Потребовалось два десятилетия, чтобы дело решилось в пользу последней. Все это время Англия была разделена между двумя дворами и двумя соперничающими правительствами, и раздробленная власть превратила страну в дымящиеся руины, наводненные наемниками. Только со вступлением на престол старшего сына Матильды – от Жоффриу Плантагенета, – ершистого, вспыльчивого, но безусловно выдающегося юноши, известного как Генрих Сын Императрицы, королевство вновь объединилось и надлежащее управление было восстановлено. Генрих Сын Императрицы стал королем Генрихом II, и с помощью чуточки везения, колоссальной энергичности, несомненного военного таланта и расчетливой целеустремленности Генрих приступил к утверждению себя, а тем самым и английской короны, в качестве хозяина лоскутного одеяла земель, простирающихся от границ Шотландии до подножия Пиренеев.

История правления Генриха II в его обширных владениях и их постепенное, хоть и ненамеренное, превращение в своего рода империю – тема второй части книги, которая называется «Эпоха империи». В ней перечисляются удивительно успешные завоевания Генриха, рассказывается о его закончившемся катастрофой конфликте с некогда лучшим другом архиепископом Томасом Бекетом, о войне короля со своими никчемными детьми и выдающейся женой Алиенорой Аквитанской (эту войну некоторые современники считали на-

казанием свыше за убийство Бекета). В «Эпохе империи» описываются революционные реформы английского законодательства, судебной системы и государственного аппарата, осуществленные Генрихом, – реформы, благодаря которым в Англии появилось судопроизводство и принципы управления, просуществовавшие столетия.

Несмотря на все свои достижения, Генрих II – самый малоизвестный из королей династии Плантагенетов, в отличие от своего третьего сына, Ричарда Львиное Сердце, унаследовавшего империю Плантагенетов в 1189 году, во время горячки самых восторженных лет крестовых походов. Ричард (который провел удивительно мало времени в Англии, особенно учитывая тот героический ореол, что окружил там его имя спустя десятилетия после смерти) посвятил свою жизнь защите и расширению границ империи Плантагенетов. На пути к цели ему пришлось повоевать в Сицилии, на Кипре и в Иерусалимском королевстве во время Третьего крестового похода, пройти через дорогое вставшее ему пленение в Германии и вернуться – как раз вовремя, чтобы вступить в борьбу за свое наследство с французским королем Филиппом II Августом. «Эпоха империи» заканчивается в 1204 году, когда брат Ричарда, король Иоанн, потерпел сокрушительное поражение от Филиппа. Иоанн потерял герцогство Нормандское и обесславил военное наследие семьи, а последствия его правления влияли на отношения между Англией и Францией еще почти 150 лет.

Отголоски военных неудач Иоанна исследуются в третьей части; ее название – «Эпоха сопротивления». Потеряв Нормандию, английские короли были вынуждены безвылазно сидеть в Англии, что вскоре привело к конфликту Иоанна с баронами, служителями Церкви и соседями по острову. «Эпоха Сопротивления» начинается в темные дни правления Иоанна, когда военные успехи в сражениях против Уэльса, Шотландии и Ирландии омрачала чрезвычайная жестокость никуда не годного короля. Сложным государственным аппаратом, оставленным ему отцом, Генрихом II, Иоанн распоряжался неумело и беззастенчиво злоупотреблял, спровоцировав один из крупнейших кризисов власти в английской истории. В 1215 году Англия погрязла в длительной гражданской войне, пытаясь разрешить вопрос, как обществу призвать к порядку короля-тирана. Ответить на него попытались – безуспешно – с помощью мирного договора, известного как *Magna Carta*, или Великая хартия вольностей. *Magna Carta*, хотя и не стала действующим законом, зафиксировала ряд важных принципов английского управления, а во времена сына Иоанна, Генриха III, и в начале правления его внука, Эдуарда I, превратилась в боевой клич оппонентов короля. На протяжении всего XIII века именно к Хартии апеллировали противники короны в моменты кризиса. Возглавлял силы сопротивления человек по имени Симон де Монфор, и войны Генриха III и Эдуарда I с де Монфором подвели черту под эпохой сопротивления.

Часть четвертая начинается в 1260 году, в конце долгого периода войн между представителями династии Плантагенетов и их баронами. Главным героем тех лет был Эдуард I, величественный и неумолимый король: говорили, что он был так свиреп, что однажды буквально напугал человека до смерти. Железной рукой Эдуард заставил англичан прекратить междоусобицы и обратить внимание на соседей: Шотландию и Уэльс. Яростным усилиям Эдуарда стать владыкой не одной только Англии, но и всей Британии посвящена часть под названием «Эпоха Артура». В этот период складывалась новая мифология английской монархии: популярность легенд о короле Артуре росла, активизировалась охота за историческими реликвиями. Эдуард претендовал на роль наследника Артура (легендарного короля Уэльса), стремившегося объединить Британские острова и положить начало новой великой эпохе королевского правления. Не считаясь со вспышками негодования со стороны баронов, которые использовали зарождающийся политический институт, известный как парламент, для формирования оппозиции, Эдуард практически достиг своей цели: последствия его действий до сих пор определяют отношения Англии с Шотландией и Уэльсом.

Эдуард I, без сомнения, один из великих, чуть ли не самый располагающий к себе король из всех Плантагенетов. А вот его сын, Эдуард II, был наихудшим во всех отношениях. В пятой части, «Эпоха насилия», речь пойдет о пе-

чальной истории короля, который вообще не понимал основных задач монархии, чье правление превратилось в отвратительный фарс: крах международной политики, полная изоляция политического сообщества и кровавая гражданская война. Злополучная связь Эдуарда с фаворитами Пирсом Гавестоном и Хью Диспенсером Младшим превратила в хаос политическую жизнь Англии. Масла в огонь подливало и упрямство кузена Эдуарда, Томаса, графа Ланкастерского, который вел бескомпромиссную войну с королем, пока тот в 1322 году его не казнил. Воинственность Ланкастера и несостоятельность Эдуарда привели к ослаблению и деградации монархии, которая в итоге подверглась атаке со стороны подданных короля; страницы английской истории с 1307-го по 1330-е годы запятнаны кровью. Цель пятой части – объяснить, как это случилось и как «Эпохе насилия» был положен конец.

Величайшим из всех Плантагенетов был Эдуард III. Он унаследовал трон еще подростком – король-марионетка при своей матери и ее любовнике Роджере Мортимере, сыгравшем ключевую роль в свержении Эдуарда II. Вскоре юный король избавился от их влияния, и часть шестая, «Эпоха славы», посвящена описанию трех десятилетий его триумфального правления. В эти годы Плантагенеты развернулись во всю силу. В начале Столетней войны, под умелым командованием Эдуарда, его сына Черного принца и кузена Генри Гросмонта Англия разбила в пух и прах Францию,

Шотландию (и других противников, в том числе Кастилию). В победах на материке при Хэлидон-Хилле (1333), Креси (1346), Кале (1347), Пуатье (1356) и Нахере (1367) ковалась английская военная машина, самая страшная в Европе, своей мощью обязанная смертоносному длинному луку. Морские успехи при Слэйсе (1340) и Уинчелси (1350) помогли Плантагенетам обрести уверенность на зыбкой арене морских сражений. Восстанавливая военную мощь английской короны, Эдуард и его сыновья целенаправленно поощряли мифологию, которая связывала воедино легенды об Артуре, новоявленный культ святого Георгия и возрождение кодекса рыцарской чести с помощью ордена Подвязки. Они создали культуру, которая спаяла английскую аристократию общей целью – стремлением к победам. К 1360 году монархия Плантагенетов достигла расцвета. Политическая гармония внутри страны подкреплялась международным доминированием Англии. Впереди сияла новая эра величия.

Затем, так же внезапно, как появилось, английское превосходство развеялось, словно дым. Седьмая часть показывает, как быстро может повернуться колесо фортуны – излюбленная средневековая метафора превратностей судьбы. После 1360 года правление Эдуарда клонилось к закату, а в 1377 году, когда на престол взошел его внук, Ричард II, на горизонте замаячил системный кризис. В наследство Ричарду досталось множество весьма серьезных проблем. Эпидемия Черной смерти, волна за волной опустошавшей Европу

пу с середины XIV века, перевернула английский экономический порядок с ног на голову. Сыновья старого короля не могли договориться между собой по вопросам внешней политики, и Франция, воспрянувшая при Карле V и Карле VI, начала выдавливать Англию к Ла-Маншу. Ричарду выпали плохие карты, а разыграл он их и вовсе дьявольски скверно. Королевский двор обзавелся внешними атрибутами роскоши; взялись за работу первые из великих писателей Средневековья: Джеффри Чосер, Джон Гауэр и Уильям Ленгленд. Но Ричард был подозрителен, жаден, жесток и злопамятен и оттолкнул от себя многих важных персон своего королевства. К 1399 году их терпение лопнуло, и Ричард был низложен своим кузеном Генрихом Болингброком.

Здесь книга заканчивается. Теоретически повествование можно было бы и продолжить. Прямые потомки Эдуарда III правили Англией до 1485 года, когда Ричард III уступил корону Генриху Тюдору в битве при Босворте. Интересно, что имя Плантагенет впервые вошло в употребление во время войны Алой и Белой розы: в 1460 году в парламентских свитках появилась запись о том, что «Ричард Плантагенет, обычно именуемый герцогом Йоркским», заявляет права на английский престол. Позже Эдуард IV и Ричард III присваивали эту фамилию некоторым из своих внебрачных детей – намек на то, что в их жилах течет королевская кровь, связывающая их с древним семейством легендарных королей, и корни их (пусть и неофициального) генеалогического древа

уходят непредставимо далеко в глубь веков.

Я ограничил эпоху английских Плантагенетов 1254–1400 годами по трем причинам.

Во-первых, это единственный период в истории английского Средневековья, когда корона переходила от предыдущего поколения к следующему без каких-либо серьезных споров о престолонаследии или династических войн. Если не считать Артура Бретонского и французского принца Людовика, которые самонадеянно, но безрезультатно заявляли о своих претензиях на трон в начале и в конце бурного правления короля Иоанна, в эру Плантагенетов не было других претендентов на английскую корону – чего нельзя сказать о нормандском периоде, закончившемся с правлением короля Стефана, или о веках, последовавших за свержением Ричарда II, когда династия Плантагенетов распалась на две младших ветви – Ланкастеров и Йорков.

Во-вторых, я решил писать о годах с 1254-го по 1399-й еще и потому, что считаю этот период Средневековья одним из самых интересных, интригующих, вместивших величайшие моменты истории Англии.

И в-третьих, я ограничил свой рассказ этими годами по практическим соображениям. Книга и так вышла толстой, но легко могла бы получиться в несколько раз объемней. И хотя я с большим удовольствием продлил бы историю Плантагенетов до чудовищной гибели династии во времена Генриха Тюдора, меня остановила мысль, что тогда мой опус будет

уже совершенно невозможно читать в постели перед сном. Возможно, когда-нибудь я возьмусь за продолжение.

Писать эту книгу было для меня радостью – надеюсь, что и читать ее будет удовольствием. В работе мне помогало множество людей. Книга не появилась бы на свет без моего несравненного литературного агента Джорджины Кэпел. Я весьма благодарен доктору Хелен Кастор за ее невероятную щедрость, мудрость и поддержку – мы обсуждали с ней практически каждый аспект книги. Во всех вопросах, касающихся военно-морского флота, я советовался с Беном Уилсоном и доктором Сэмом Уиллисом. Ричард Партингтон консультировал меня по эпохе Эдуарда III. Уолтер Донохью, Пол Уилсон и Тоби Уайзман делали бесценные замечания на разных стадиях работы над черновиком. Все ошибки, конечно, мои. Редактор из издательства Harper Press, Арабелла Пайк, была, как всегда, терпелива и точна в своих наблюдениях и комментариях к тексту. Члены ее команды, особенно Керри Энзор, Софи Эзра, Стив Кокс и Каролина Хотблэк тоже были весьма отзывчивы и терпеливы. Сотрудники Британской библиотеки, Лондонской библиотеки, Национального архива, Лондонского городского архива и библиотеки Гилдхолла были исключительно добры, так же как и хранители, экскурсоводы и сотрудники бесчисленных замков, соборов и музеев на полях сражений, которые я посетил, совершая путешествие по трем столетиям европейской истории.

Но самая горячая моя благодарность – Джо, Вайолет и Ай-

ви Джонс, которым пришлось мириться с моим бесконечным бумагомаранием и которым вполне заслуженно я посвящаю эту книгу.

Дэн Джонс Баттерси, Лондон январь 2012 года

Часть I

Эпоха крушения (1120–1154)

*Словно бы Христос и все его святые погрузились
в сон.*

Англосаксонская хроника

Белый корабль

Принц был пьян. Как и вся команда и пассажиры зафрахтованного им судна. 25 ноября 1120 года почти две сотни молодых и прекрасных представителей аристократических семей Англии и Нормандии веселились на борту великолепно-го белоснежного корабля. Корабль одолжили у богатого судовладельца, чтобы переправиться из Нормандии в Англию, и сейчас судно мягко покачивалось под взрывы смеха в многолюдной гавани Барфлёра. Вояж в 70 миль предстояло совершить по беспокойным предзимним водам Ла-Манша, но на корабль, пришвартованный в порту шумного города, одну за другой закатывали бочки с вином, и никому не отказывали в угощении.

Принца звали Вильгельм Аделин. Он был единственным

законным сыном Генриха I, короля Англии и герцога Нормандии, и Матильды Шотландской – одаренной, образованной королевы, происходившей из дома Кердика, из династии королей Уэссекса, правивших Англией до нормандского завоевания. Свое первое имя, Вильгельм, он получил в честь деда, Вильгельма Завоевателя, а прозвище Аделин было переводом традиционного англосаксонского имени для наследника трона – Этелинг. Вильгельм был приветливым юным аристократом, он вполне осознавал свое двойное королевское происхождение и точно соответствовал стереотипу обожаемого, избалованного старшего сына. Один нормандский летописец оставил нам его описание: «Облаченный в шелковые одежды, расшитые золотом, окруженный толпой слуг и телохранителей и сияющий чуть ли не божественным величием». Неудивительно, что юнец, которому все наперебой торопились угодить, заискивая с «преизбыточным благоговением», был склонен к вспышкам «неумеренной спеси».

Вильгельма окружала толпа «золотой молодежи». Были среди них и его сводный брат Ричард Линкольнский, и сестра Матильда, графиня Перша, – два бастарда, принадлежавшие к числу 24 детей любвеобильного короля Генриха; кузен Вильгельма Стефан Блуаский – еще один внук Вильгельма Завоевателя; 26-летний Ричард, граф Честер и его жена Мод; Джеффри Ридел, английский судья; наставник принца Освер; и без числа прочих кузин, кузенов, друзей и ко-

ролевских чинов. Вместе они составляли золотое поколение англо-нормандской аристократии. Разумеется, путешествовали они с шиком.

Владельцем Белого Корабля был Томас Фиц-Стефен. Когда-то его дед, Айрард, снарядил боевой корабль во флот Вильгельма Завоевателя, и Фиц-Стефен рассудил, что доставлять будущих королей в Англию – его потомственная привилегия. Он просил короля о чести перевезти королевскую свиту из Барфлёра на южный берег Англии. Генрих удостоил его этой милости, но предупредил: «Я вверяю вам моих сыновей Вильгельма и Ричарда, которыми дорожу, как собственной жизнью».

О да, Вильгельм был драгоценным грузом. В свои 17 он уже был богатым и успешным молодым человеком. В 1119 году он женился на Матильде, дочери Фулька V, графа Анжуйского и будущего короля Иерусалима. Этот союз должен был положить конец давней вражде между нормандцами и анжуйцами. После свадьбы Вильгельм год сопровождал короля Генриха в поездке по Нормандии, учась искусству управления и наблюдая, как Генрих устанавливает, как сказано в летописи Вильяма Мальмсберийского, «превосходный и тщательно продуманный мир» с Людовиком VI Толстым, ушлым, безобразно обрюзгшим королем Франции. Поездка задумывалась как обучение тонкостям государственного ремесла и оказалась весьма удачной. В официальных документах Вильгельма теперь называли *rex designatus* – назна-

ченным королем: еще один шаг к статусу соправителя отца.

Всего за несколько недель до отплытия Белого Корабля случилось важнейшее событие в юной жизни Вильгельма: он преклонил колена перед тучным Людовиком, принося ему оммаж (ленную присягу) в качестве нового герцога Нормандии. Эта почти священная церемония подтверждала, что Генрих передал герцогство сыну, превращала Вильгельма в одну из ведущих политических фигур в Европе и в некотором смысле отмечала его окончательное возмужание.

Молодая жена, новое герцогство и прямая дорога к королевскому сану: чем не повод для праздника! – и Аделин закатил вечеринку. Свежий ноябрьский день уступил место ясной морозной ночи, Белый Корабль все стоял у причала в Барфлёре, а вино лилось рекой.

Белый Корабль был вместителен и легко мог перевезти несколько сотен пассажиров, не считая ценного груза и экипажа из 50 человек. Наверняка это было отличное судно: нормандский историк Ордрик Виталий называл его «прекрасно оснащенный и подходящим для короля». Корабль был длинным, высоким, с глубокой осадкой, нос и корма его были украшены изысканной резьбой. Над палубой возвышалась мощная центральная мачта с квадратным парусом, а по бортам виднелись гребные люки. Руль – штирборт – располагался не в центре, а на правом борту корабля, так что капитан должен был знать береговой рельеф назубок: все, что находилось по левому борту, оставалось вне поля зрения.

С юга дул попутный ветер, обещая, что путешествие не займет много времени. Экипаж и пассажиры корабля Вильгельма помахали вслед королевскому кораблю еще вечером. Ожидалось, что вскоре они двинутся за ним, но попойка на борту оказалась такой увлекательной, что судно дотемна не снималось с якоря. Когда же прибыли служители божьи, чтобы перед отходом окропить корабль святой водой, их с насмешками отправили восвояси.

Пирушка продолжалась; полилась похвальба. Груза в трюмах Белого Корабля было немного, а гребцов – целых 50 человек. Подвыпивший капитан хвастался, что, если поднять прямой парус и приказать гребцам налечь на весла, его корабль, даже дав фору кораблю короля Генриха, прибудет в Англию первым.

Кое-кто начал беспокоиться, что гонки на корабле с наливавшейся командой не самый безопасный способ попасть в Англию, и под предлогом расстройства желудка кузен Аделаина Стефан Блуаский сошел на берег, рассчитывая приискать другое судно, которое доставит его домой. К нему присоединились и другие гости, встревоженные неуправляемым поведением королевской свиты и команды корабля. Однако, не обращая внимания на дезертиров, пьяные моряки готовили корабль к отплытию. Около полуночи, ясной ночью, освещенной молодой луной, Белый Корабль поднял якорь и взял курс на Англию. «Он летел быстрее выпущенной стрелы, разглаживая рябь над бездной», писал Вильям Мальмс-

берийский. Но далеко он не улетел. Белый Корабль даже не покинул гавани Барфлёра.

То ли из-за пьянки на борту, то ли из-за элементарной навигационной ошибки, то ли по воле Господа Всемогущего, разгневанного отказом принять его святую воду, Белый Корабль, едва отчалив, налетел на крутой скалистый мыс, который сейчас называется Кийбёф – и в наши дни он еще виднеется у выхода из гавани. Фатальное столкновение проделало дыру в носу деревянного корабля. Обломки посыпались в море, а ледяная вода начала поступать внутрь.

Первейшим долгом каждого на борту было спасение Вильгельма. Пока команда пыталась вычерпывать воду, спустили спасательную шлюпку. Аделин забрался в нее: с ним было несколько человек из его свиты и гребцы, которые должны были в целости и сохранности доставить его в Барфлёр.

Это, конечно, было ужасающее зрелище: рев пьяной команды, пытающейся удержать на плаву поврежденное судно, сливался с воплями пассажиров, сброшенных в воду мощным ударом. Дорогие одежды благородных леди и джентльменов, намокнув, стали такими тяжелыми, что не давали возможности плыть или даже держаться на воде. Крики тонущих эхом носились над волнами.

Когда спасательная шлюпка повернула к гавани, Вильгельм различил среди панических голосов вопль старшей сводной сестры Матильды. Она кричала что было сил – ей

было не выплыть в таком холоде и темноте. Аделин не мог вынести этой мысли. Он приказал своим гребцам вернуться и спасти сестру.

Это было роковое решение – ведь тонула не одна только графиня. Как только лодка приблизилась, ее заметили другие пассажиры, захлебывавшиеся в ледяной воде. Все они, отталкивая друг друга, попытались забраться в лодку; та перевернулась и затонула. Матильда не спаслась, не спасся и Вильгельм Аделин, герцог Нормандии и назначенный король Англии. Он исчез в пучинах вод. Как записал летописец Генрих Хантингдонский, «вместо того, чтобы увенчаться золотой короной, голова его разбилась о морские скалы».

Лишь один человек выжил в крушении Белого Корабля: мясник из Руана, который поднялся на борт в Барфлёре, чтобы получить причитающиеся ему деньги, и которого гуляки утащили с собой в море. Когда корабль пошел ко дну, он завернулся в баранью шкуру и всю ночь болтался в воде, цепляясь за обломки. Промокший насквозь, утром он выбрался на берег и поведал свою историю. Чуть позже прибой вернул еще несколько тел.

Новость нескоро достигла Англии. Корабль короля Генриха со всеми предосторожностями пересек пролив под управлением трезвого капитана, в целости и сохранности достиг королевства, и двор погрузился в подготовку к празднованию Рождества. Когда ужасные вести о катастрофе в Барфлёре достигли двора, люди онемели от ужаса. Поначалу Ген-

риха держали в неведении. Вельмож и чиновников ужасала мысль, что королю нужно как-то сообщить, что трое его детей, в том числе обожаемый наследник, пошли, как сказал Вильям Мальмсберийский, «морским чудовищам на корм».

Наконец с известием послали маленького мальчика. Тот пал ниц у ног короля и плача сообщил ему трагическую весть. По словам Ордерика Виталия, Генрих I, «сраженный горем, упал на пол». Говорят, что с тех пор он больше никогда не улыбался.

Крушение Белого Корабля за одну ночь стерло с лица земли целое поколение молодых англо-нормандских аристократов. Гибель Аделина – и счастливое спасение его кузена Стефана Блуаского – на три десятка лет погрузит в хаос всю западноевропейскую политику.

Крушение Белого Корабля было не только личной трагедией Генриха I. Оно стало политической катастрофой для нормандской династии. По словам Генриха Хантингдонского, «уверенность Вильгельма в скором восшествии на трон была значительней, чем реальная власть его отца над королевством». Через брак Вильгельма Аделина Нормандия заключала мир с Анжу. Оммаж Людовику VI обеспечивал англо-нормандскому королевству мир с Францией. Все труды Генриха по защите своих земель, все его планы опирались на наличие живого наследника.

Без него все было напрасно.

В поисках наследника

Генрих I был «человеком, которого не мог превзойти никто, кроме самого только Господа Бога». Так писал автор хроники «Брут». И действительно, царствование Генриха было удачным почти во всех сферах. Исключительно долгое, мирное и успешное правление четвертого сына Вильгельма Завоевателя продлилось 35 лет, а королевская власть в Англии при нем достигла новых высот. Отец Генриха, Вильгельм Завоеватель, умер в 1087 году, после чего Англия откололась от Нормандии. Генрих железной рукой вновь объединил их. Заполучив английскую корону в 1100 году, в 1106 году он разбил своего старшего брата Роберта Куртгёза в битве при Теншбре, чтобы прибрать к рукам еще и Нормандию, а Роберта продержал в заточении почти 30 лет, до самой его смерти, в замке Кардифф в 1134 году. Генрих поощрял браки между истинной англо-нормандской аристократией, чья культура и земельные владения лежали по обе стороны Ла-Манша. Сам же, чтобы залечить раны побежденных, взял в жены королеву Матильду: этот брак объединил нормандскую и саксонскую династии.

Генрих был выдающимся законодателем и строителем государства. Он сформировал в англо-нормандском королевстве сложнейшую систему управления, которая значительно превосходила все, что удалось создать его отцу, Вильгельму

Завоевателю, и брату Вильгельму Рыжему. Он даровал английским баронам Хартию вольностей, опирающуюся на законы Эдуарда Исповедника, которая гарантировала сеньориальные права и полагала предел королевской власти. Он отправил королевских судей в английские графства, в крупные судебные «турне» расследовать преступления, случаи злоупотреблений и коррупции и укреплять роль короны в местных органах власти. Он реформировал королевскую казну, обязав ее дважды в год сводить баланс, и объединил финансовые системы Англии и Нормандии под управлением одного казначея. Он немало сделал для того, чтобы упрочить положение Нормандии на континенте. В целом государственный аппарат Генриха стал одной из сложнейших бюрократических машин в Европе со времен Римской империи. «В его время, – гласит Англосаксонская хроника, – ни один человек не смел причинить зла другому; он установил мир на благо всех живущих».

Но при всех великих достижениях короля Генриха, в одной, принципиально важной задаче он не преуспел. Он не смог обеспечить стране надежное будущее.

После гибели Вильгельма Аделина при крушении Белого Корабля Генрих I изо всех сил пытался обзавестись еще одним законным сыном, чтобы передать ему земли и титулы. Королева Матильда умерла в 1118 году, и в 1121 году Генрих женился на юной Аделизе Лувенской. Удивительно, но мужчина, ставший отцом 22 бастардов, так и не смог зачать

ребенка с молодой женой.

И это оставляло Генриху последнее отчаянное средство. Понимая, что не сможет передать корону одному из своих незаконнорожденных сыновей (например, весьма способному старшему, Роберту, графу Глостерскому), Генрих решил назначить наследницей единственного оставшегося законного ребенка – императрицу Матильду.

Когда ее младший брат погиб в кораблекрушении, Матильде было 18 лет и десять из них она прожила в Германии, отосланная туда, чтобы стать женой Генриха V, короля Германии и Италии и императора Священной Римской империи. Она выросла в величайшей роскоши городов и дворцов центральной Европы и ощутила вкус политической власти. Власть императора простиралась от Германии до Тосканы. Супруг ее постоянно перемещался по своим огромным владениям, и Матильда в его отсутствие исполняла функции регента. Она дважды надевала императорскую корону на пышных церемониях в Риме и, будучи одной из влиятельнейших женщин Европы, вращалась в кругах самых знатных и важных фигур своего времени.

В 1125 году Матильда овдовела. Она не родила императору детей, так что политического будущего у нее в Германии не было. Генрих I вызвал ее в Англию, уготовив ей новую роль. Она приехала в ореоле императорского титула и со своей любимой реликвией – рукой святого Иакова, сувениром из императорской часовни. Вернувшись, она попала прямо-

ком в центр политического водоворота. На рождественском приеме 1126 года Матильда сидела подле отца, а английские и нормандские бароны приносили ей клятву верности как наследнице королевства и герцогства.

Это была крайняя мера, что Генрих, как и его бароны, прекрасно понимал. Прецеденты женского правления в XII веке были наперечет. Король просил слишком многого, требуя от своих подданных согласиться на правление его дочери. К сожалению, другого выхода у Генриха не было.

Было ясно, что Матильде нужен муж, способный подкрепить ее права на наследование. Как и для Вильгельма Аделаина, Генрих снова стал искать союза с графами Анжуйскими. Он связался с Фульком V и договорился о браке между Матильдой и старшим сыном Фулька, Жоффруа. 17 июня 1128 года пара обвенчалась в городе Ле-Ман на границе Нормандии и Анжу. Императрице Матильде было 26 лет, ее жениху – 15. Жан из Мармутье записал, что свадьбу праздновали «три недели без перерыва и никто из гостей не ушел без подарка».

В то время Жоффруа Анжуйский был высоким нахальным подростком с рыжими волосами, практически неисчерпаемой природной энергией и склонностью к позерству. За свою светлую кожу и приятную внешность он получил прозвище «красивый». Предание гласит, что он любил носить в волосах ярко-желтый цветок дрока (*на латыни planta genista*), которому он обязан еще одним именем: Жоффруа

Плантагенет. Жан из Мармутье позже напишет, что Жоффруа «был очарователен и умел расположить к себе... был искушен в спорах и достиг небывалого мастерства в военном деле». За неделю до женитьбы на Матильде Генрих I посвятил его в рыцари. Церемония прошла в Руане. Жоффруа был одет в лен и пурпур, на нем была кольчуга с двойными кольцами и золотые шпоры, в руках он держал щит с изображением золотых львов и меч, якобы выкованный кузнецом Велундом из скандинавской мифологии. По завершении брачных церемоний Жоффруа стал полноправным графом Анжуйским, а Фульк V отрекся от титула и отбыл на Восток, чтобы стать королем Иерусалима.

Однако Матильда была не в восторге. Жоффруа не только был на 11 лет младше, он к тому же был проклятым анжуйцем. Нормандцы считали анжуйцев варварами, убивающими священников, оскверняющими храмы и не умеющими вести себя за столом. Легенды называли их потомками дочери Сатаны Мелюзины, которая в древности вышла замуж за графа Анжуйского. Дьяволица выдала себя, когда ее заставили присутствовать на мессе, вылетела в окно церкви и исчезла навсегда, но ее адская кровь все еще кипела в жилах потомков.

Кроме этой старой легенды, были и другие истории, относящиеся к не столь отдаленному прошлому и подтверждающие, что анжуйская кровь опасна. Прадед Жоффруа Фульк III Черный славился своей жестокостью. Говорили, что свою

первую жену он сжег на костре прямо в свадебном платье, узнав об ее интрижке с козопасом, а его репутация как ма-родера и насильника-извращенца была известна всем от берегов Атлантики до Святой земли.

И тем не менее Жоффруа Плантагенет казался Генриху I подходящим мужем для его дочери-императрицы. Супруги друг другу не нравились, но вряд ли это имело какое-то значение. Первые годы брака они постоянно скандалили и жили раздельно, но затем примирились, не без помощи Генриха I, и исполнили свой долг перед государством. 5 марта 1133 года в Ле-Мане Матильда родила первенца. Пара назвала его Генрихом в честь англо-нормандского короля, чью корону он должен был унаследовать. Младенца крестили в субботу перед Пасхой в кафедральном соборе Ле-Мана и поместили под защиту святого Юлиана. Но, чтобы обеспечить будущее этого ребенка, одного только небесного покровительства было недостаточно. Через два года все надежды Генриха на царствование его внука будут поставлены под сомнение.

Крушение

В последнюю неделю ноября 1135 года Генрих I и его свита прибыли в Лион-ла-Форе на севере Нормандии. Замок и лес, его окружавший, были излюбленным местом охоты нормандских герцогов лет 200, и Генрих приехал поразвлечься по примеру предков. Даже в возрасте 68 лет король был силен и могуч.

Генрих прибыл в понедельник и намеревался отправиться на охоту на следующий день. Но ночью он почувствовал себя плохо и состояние его быстро ухудшилось. К концу недели стало ясно, что болезнь его крайне серьезна. Старый король приготовился к смерти. Согласно письму архиепископа Руана, Генрих «исповедал грехи... ударяя себя в грудь и оставив всякую враждебность». В воскресенье, 1 декабря, спустя три дня молитв, покаяния и раздачи милостыни, архиепископ соборовал Генриха, после чего король испустил дух.

Хотя многие летописцы отметили набожность, с которой король отошел в мир иной, один из них – Генрих Хантингдонский – описал мрачные детали, сопровождавшие смерть Генриха I. Тело короля «привезли в Руан, где погребли его мозг, глаза и внутренности». Затем его «полностью изрезали ножами, обильно посыпали солью и завернули в бычью шкуру, чтобы остановить всепроникающий смрад, который уже стал причиной смерти нескольких из тех, кто за телом при-

смастривал. От него умер даже человек, которого за большую плату наняли вскрыть королю голову и вынуть мозг, издающий тошнотворный запах, — хоть он и укрывал лицо льняной тканью...»

Как все это не похоже на королевское великолепие! Такова была грустная физическая реальность смерти Генриха I, но ее политические последствия были куда хуже. Не успели кое-как забальзамированное тело Генриха доставить в Англию и похоронить в Редингском аббатстве, как страну охватил кризис власти и гражданская война, которая продлилась почти 20 лет. Этот период остался в истории под названием «анархия», но свидетели и летописцы тех мрачных дней предпочитали называть его временем крушения.

Генриху не удалось обзавестись взрослым преемником мужского пола, и англо-нормандское королевство стало предметом раздоров. С тех пор как Матильда вернулась из Германии, Генрих I трижды — в 1126, 1131 и 1133 годах — заставлял своих баронов клясться ей в верности. Но, как только старый король умер, его подданные принялись нарушать свои обещания.

В декабре 1135 года двоюродный брат Матильды Стефан Блуаский находился в Булони — графстве, принадлежавшем его жене. И как только он узнал о смерти дядюшки Генриха, немедленно отправился в Англию. Презрев свою клятву подчиниться власти Матильды, Стефан поехал напрямик в Лондон и провозгласил себя королем, а 22 декабря добрался до

Винчестера, где прибрал к рукам королевскую казну. В тот же день его короновал архиепископ Кентерберийский. Стефан поспешил заручиться поддержкой англо-нормандских феодалов по обе стороны Ла-Манша. Без колебаний и без сомнений они приняли его сторону. Императрица Матильда, Жоффруа Плантагенет и их молодая семья внезапно оказались не у дел.

Скорость, с какой бароны и епископы Англии и Нормандии нарушили клятву верности Матильде, многое может сообщить нам о природе королевской власти в XII столетии. Да, женщины становились единовластными правительницами, но прецеденты были слабы и неубедительны. Ходили слухи, что Генрих на смертном одре сам освободил баронов от клятв верности, данных его дочери. Слухи упали на благодатную почву. Перспектива подчиняться женщине не радовала.

Более того, кровное родство тогда еще не было определяющим фактором при передаче власти от одного короля другому. Должность короля в значительной мере была выборной. Будь иначе, и сам Генрих I не смог бы взойти на трон. Генрих выхватил Англию и Нормандию из-под носа своего старшего брата Роберта Куртгёза в 1100 и 1106 годах соответственно. Сейчас же история повторялась. Согласно праву первородства, Стефан не мог претендовать на корону. Прежде всего, у него был старший брат, Тибо Блуаский, у которого кровных прав на трон явно было больше. Но

Стефан был достойным кандидатом. Он воспитывался при дворе Генриха I вместе с сыновьями короля и занимал высокое положение среди англо-нормандских баронов. Он чудом избежал гибели вместе с Вильгельмом Аделином, покинув Белый Корабль прежде, чем тот вышел из гавани. Сам Генрих его любил и привечал. Стефан был богатым, могущественным, очаровательным и галантным мужчиной, которому недавно исполнилось 40. Булонь, графство его жены Матильды, имела большое значение для английской торговли шерстью. Его брат Генрих Блуаский, архиепископ Винчестерский, обладал большим весом в английской церкви и пользовался поддержкой собратьев-епископов. И что важнее всего, Стефан, воспользовавшись вакуумом власти, моментально ухватился за возможность занять трон. Он оказался в нужном месте в нужное время и громко заявил о своих претензиях на власть и о готовности защищать Англию и Нормандию. «Под рукой не было никого другого, кто мог бы занять место короля и спасти королевство от угрожающих ему великих опасностей», писал неизвестный автор «Деяний Стефана» (*Gesta Stephani*).

Положение Матильды и Жоффруа отнюдь не было таким выгодным. В декабре 1135 года императрица была беременна третьим ребенком, находилась гораздо дальше от Англии и не могла действовать так же быстро, как ее кузен Стефан. Более того, она и Жоффруа в последние годы жизни Генриха серьезно конфликтовали с ним, пытаясь заполучить замки

у нормандской границы, которые старый король обещал отдать дочери в качестве приданого. Анжусец Жоффруа и сам по себе вызывал большие сомнения в Нормандии и Англии. Репутация Матильды явно была не лучше. Согласно Генриху Хантингдонскому, императрица «была невыносимо высокомерна... чем охладила практически все сердца». Хотя два ее сына – двухлетний Генрих и годовалый Жоффруа – имели больше кровных прав на престол, чем Стефан, в XII столетии у младенца вряд ли был шанс стать королем только на основании права по рождению.

Вот так в 1135 году Матильду и Жоффруа отодвинули в сторону. Все, что они могли делать, так это продолжать борьбу за оспариваемые замки из приданого и выжидать удобного момента, пока Стефан укреплялся на престоле Англии и Нормандии.

Стефан, правда, обнаружил, что приобрести королевство было легче, чем управлять им. Ему не хватало расчетливой беспощадности и политической мудрости Генриха I. Он полагался на советы и поддержку нескольких своих друзей-баронов, а других, гораздо выше статусом, игнорировал. Он не смог навязать себя в качестве сюзерена баронам, сопротивлявшимся его власти, и умудрился настроить против себя тех, кто мог бы стать его первейшим сторонником.

В первые же три года правления власть Стефана по обе стороны пролива заметно поколебалась. Жоффруа Плантагенет от имени своего сына заявил права на герцогство Нор-

мандское. В 1136 году он начал завоевательную войну на южных границах герцогства, которые Стефан не в состоянии был защитить. Все внимание короля было сосредоточено на Англии, где он быстро лишился поддержки сначала сводного брата Матильды, Роберта Глостера, самого могущественного барона в стране; затем своего собственного брата Генриха, епископа Винчестерского, которого он обидел, не отдав ему должности епископа Кентерберийского; и Роджера, епископа Солсбери, весьма опытного королевского чиновника, сына и сторонников которого Стефан арестовал, нарушив данную при коронации клятву не притеснять Церковь и ее епископов.

Политика Стефана сеяла распри с первых дней его правления. Он щедрой рукой раздавал богатства, которые так старательно копил Генрих, но делал это очень несправедливо. Он осыпал милостями своих друзей, например близнецов Галерана и Роберта де Бомона, и обходил авторитетных, влиятельных баронов вроде Ранульфа, графа Честера. Это дестабилизировало как общегосударственную, так и местную политику, а негативные последствия своих решений король усугубил непродуманными атаками на профессиональный чиновничий аппарат, созданный Генрихом I. Стефан увольнял одаренных администраторов и пытался править Англией с помощью представителей военной аристократии, которым он отдавал ключевые посты только лишь на основании их высокого социального положения, а не какого-либо адми-

нистративного опыта.

Для англо-нормандского государства это было плохо, но хорошо для Матильды и ее семьи, которые с пробуждающейся надеждой наблюдали издалека, как Стефан роет себе могилу. К 1138 году, когда влиятельный сводный брат Матильды Роберт, граф Глостерский, официально покинул круг сторонников Стефана, им, казалось, представился шанс взять реванш. В 1139 году, пока Жоффруа Плантагенет продолжал свои набеги на Нормандию, Матильда на правах наследницы своего отца обратилась к папе римскому и ко Второму Латеранскому собору с просьбой признать коронацию Стефана незаконной, вступив в союз с Глостером, вторглась в Англию и учредила свой двор и альтернативное правительство в Бристоле. Гражданская война началась.

К появлению на сцене Матильды Англия уже была в состоянии полной анархии. Очень скоро ее присутствие ухудшило дело. Она переманила на свою сторону небольшую, но весомую коалицию недовольных баронов, в том числе Глостера, лорда Марки Брайена Фиц-Каунта и Майлса Глостера, который занимал важный административный пост на западе Англии в годы правления ее отца. Но ее действия лишь раскололи страну пополам. Майлс Глостер атаковал крепости роялистов по всей Англии. Стефан выбивался из сил, отражая нападения, что позволило Матильде укрепиться, обрести уверенность и увеличить число своих сторонников. Однако императрица и близко не была так сильна, чтобы окон-

чательно разбить короля и взять Англию под полный контроль. Результатом стала затяжная война между двумя кузенами: каждый утверждал, что является правомочным правителем Англии, но ни один не мог распространить свою власть на все королевство.

В 1141 году императрица одержала первую значительную победу. В конце 1140 года король Стефан нанес оскорбление Ранульфу, графу Честеру, пожаловав его врагам замки и земли, на которые тот положил глаз. Этого было достаточно, чтобы подтолкнуть Честера к вооруженному сопротивлению. Ранульф выбил королевский гарнизон из замка Линкольн, и в феврале 1141 года Стефан осадил замок, пытаясь вернуть его себе. Воспользовавшись случаем, Роберт, граф Глостерский, направил войска к Линкольну и атаковал королевскую армию. В решающей битве войска Стефана были обращены в бегство, а король взят в плен.

Это должно было стать моментом триумфа Матильды. Теперь, когда ее кузен был пленен, она могла заполучить английскую корону для себя и своего сына. Приняв новый титул *Госпожи англичан*, она попыталась организовать коронацию в Лондоне. Брат Стефана, епископ Винчестерский Генрих, был теперь папским легатом и своим авторитетом подкрепил притязания императрицы. Многие важные английские бароны, преследуя собственные интересы, оставили короля, не желая спасать режим, который уже давно вызывал у них сомнения.

Но императрица не смогла реализовать свое преимущество. Ей пришлось противостоять яростному сопротивлению, организованному супругой Стефана, которую тоже звали Матильдой. Она умудрилась быстро рассориться с епископом Винчестерским и обидеть большинство магнатов, с которыми обращалась с присущим ей высокомерием и гордыней. Когда ближе к лету императрица хотела лишить жителей Лондона финансовых льгот, они взялись за оружие и 24 июня 1141 года изгнали Матильду из города. Все ее планы пошли прахом, и императрица попыталась осадить Генриха, епископа Винчестера, в его епископской резиденции. В жестокой битве Роберт Глостерский был взят в плен. Чтобы освободить сводного брата, Матильде ничего не оставалось, как согласиться на обмен пленниками. Король Стефан обрел свободу, успех императрицы оказался мимолетным, и через восемь месяцев все вернулось на круги своя.

К концу 1142 года казалось, что битва Матильды за корону практически проиграна. Силы Стефана гнали ее до самого Оксфорда и в конце ноября взяли в осаду в замке. Положение было безнадежным. Далеко за Ла-Маншем ее муж, Жоффруа Плантагенет, продолжал свое в высшей мере успешное завоевание Нормандии. Роберту Глостерскому не удалось уговорить его отвлечься от этого занятия и спасти попавшую в беду жену. Все, чем смог помочь Жоффруа – отправить в Англию 300 рыцарей и девятилетнего сына Генриха в качестве нового представителя интересов Анжуйского

дома в Англии.

С приближением Рождества Матильда все глубже погружалась в отчаяние. Не дожидаясь, когда подойдут посланные мужем рыцари и снимут осаду Оксфорда, она решила спастись собственными силами. Однажды ночью, в пургу, Матильда завернулась в белый плащ, тайно покинула замок, прокралась мимо стражи и двинулась по заснеженным полям. Ее белоснежный камуфляж – призрачная фигура на фоне темного горизонта – позволил ей пройти восемь миль или около того до Абингдона не попавшись. Она шла по замерзшей земле, готовая в любой момент услышать хруст снега под копытами, возвещающий приближение поисковой группы, посланной в погоню. Но ничего подобного не произошло. В Абингдоне она встретилась с друзьями, которые переправили ее в безопасное место на западе страны. Матильда была спасена, битва за английскую корону продолжалась.

Этот легендарный момент войны стал спасением для Матильды и катастрофой для английского королевства. Роберт Глостерский, получив подкрепление, подбодренный чудесным побегом своей сводной сестры, возглавил контрнаступление на армию Стефана. Но положение снова было патовым. Корону удерживал Стефан, однако он, как и раньше, был слабым королем и не мог рассчитывать на безоговорочную преданность англо-нормандских баронов. Матильда же была на свободе и гораздо более сильна, чем когда-либо прежде, но после разгрома 1141 года она упала в глазах столь

многих, что уже не могла победить собственными силами. Решительные действия велись лишь в Нормандии, где Жоффруа Плантагенет быстро оккупировал герцогство, которое Стефан за все время своего правления посетил лишь однажды, в 1137 году. К 1144 году Жоффруа завладел Руаном и был признан герцогом Нормандским, поставив тех баронов, чья собственность располагалась по обе стороны Ла-Манша, в невыносимое положение, когда им приходилось признавать власть двух враждующих сеньоров над одним и тем же феодалом.

И Англия, и в меньшей степени Нормандия по-прежнему страдали от последствий конфликта. Страна, писал Вильям Ньюбургский, была «изувечена». С 1142 года Англия была поделена между двумя дворами: один, королевский, номинально располагался в Вестминстере и Винчестере, а другой, двор императрицы Матильды, – в Девайзесе, на юго-западе страны. Верховенство закона развеялось как дым, а вместе с ним и общественный порядок. Жестокий гражданский конфликт разрывал страну между сторонниками Стефана, сторонниками Матильды и баронами, воевавшими за себя и ни за кого другого. В отсутствие полноценного правителя северными землями – Уэстморлендом, Камберлендом и Нортумберлендом – правил шотландский король Давид. Англию, которая при Генрихе была богатой страной с эффективным управлением и прочно защищенными границами, рвали в клочья конкурирующие органы власти. Страна

стонала под тяжестью народного горя. «Словно бы, – писал автор Англосаксонской хроники, – Христос и все его святые погрузились в сон».

В этой ситуации победителей быть не могло. Стефан и Матильда оба считали себя законными преемниками Генриха I и, соответственно, учреждали официальные правительства: собственные монетные дворы, суды, системы протекции и дипломатический аппарат. Но двух правительств быть не может: в этом случае ни одно из них не будет прочным и не сможет гарантировать исполнение приказов, так что ни один подданный не будет уверен в верховенстве закона. Как в любом государстве без единого централизованного источника безусловной власти, каждый пытался защищаться самостоятельно, и феодалы вели между собой кровопролитные локальные войны. Фламандские наемники заняли замки и заново укрепленные поместья по всей стране. Чтобы вооружить сельчан, использовался принудительный труд. Уровень насилия вырос, потому что землевладельцам ничего не оставалось, как защищать свое имущество своими силами. Небо затягивал дым от охваченных огнем посевов, а простой люд невыносимо страдал от мародерства иностранных солдат.

Хроники того времени полны записей о горестях, без которых не обходится война. Автор «Деяний Стефана» приводит один пример:

[Король] приказал опустошить прелестную и

спокойную местность близ Солсбери, изобильную многими вещами; солдаты забирали и портили все, что попадалось им под руку, поджигали дома и церкви и, что страшней и хуже всего, жгли хлеб – уже убранный и сложенный в скирды на полях, изничтожая и превращая в прах все съестное, что только могли найти. От их звериной жестокости сильнее всего пострадал округ Мальборо, они ужасно обошлись с деревнями близ Девайзеса и собирались поступить так же со своими врагами по всей Англии.

И вдруг в 1148 году Матильда покинула Англию. Может показаться странным, что она отказалась от борьбы, которой отдала значительную часть своей жизни, но за десять лет, которые она посвятила защите интересов Плантагенетов, долг ее был исполнен. Ее дети – Генрих и два его младших брата Жоффруа и Гильом – подрастали на другом берегу Ла-Манша. Матильда намеревалась прожить оставшиеся годы в тихом и комфортабельном уединении монастыря при аббатстве Бек в Кевийи, в приорате Нотр-Дам-дю-Пре. Там, на противоположном берегу Сены, стоял Руан, столица Нормандии, которую Ордерик Виталий описывал так: «... прекрасный город в окружении журчащих рек и приветливых лугов... защищенный прочными зубчатыми стенами и крепостными валами...» Этот город был многим обязан Матильде: ее упорные старания сковать силы короля Стефана на английском фронте позволили Жоффруа Плантагенету захватить Руан. Теперь же она планировала наслаждаться

видами столицы с другого берега.

Но и об Англии она не забывала. Ее старший сын приближался к своему 16-му дню рождения. Пришло его время продолжить борьбу, пришло время Генриху Сыну Императрицы попробовать свои силы.

Честолюбивые замыслы

Генрих, 16 лет от роду и снедаемый амбициями, высадился на берегу Девона 13 апреля 1149 года. Это был его третий визит в расколотое королевство, которое, как не уставала повторять мать, принадлежало ему по праву рождения. Он увидел страну в самые мрачные ее дни. Вся Англия была зоной военных действий: король и императрица преследовали друг друга из города в город и из замка в замок, сжигая имения и терроризируя народ в попытках втоптать друг друга в окровавленную землю. Но мать, долгие годы воевавшая со Стефаном, отошла от дел. На пороге зрелости Генрих явился оповестить, что теперь он будет представлять интересы анжуйской династии в Англии.

Эта страна не была его домом. Он понимал язык, но не говорил на нем. Однако и чужаком в Англии он не был. В 1142 году, в возрасте девяти лет, Генриха ненадолго привезли на английский фронт в качестве номинального лидера военной кампании, которую вела его мать. Он прибыл в тяжелое время, незадолго до легендарного побега Матильды по заснеженным полям Оксфорда. Пока Англия находилась в глубоком кризисе, Генрих оставался на попечении своего дяди Роберта Глостерского. В Бристоле он пробыл 15 месяцев, обучаясь у известного астронома, математика и философа-схоласта Аделарда Батского, который, кстати, посвятил

молодому человеку свой трактат об астролябии. В 1144 году, по соображениям как безопасности, так и политическо-го прагматизма, Генрих вернулся к отцу, чтобы помочь тому укрепиться в положении герцога Нормандии.

Генрих обладал приметной внешностью. В его жилах бурлила кровь трех династий: нормандской, саксонской и Плантагенетов. Он в секунду мог перейти от добродушного веселья к пылкому гневу. От своего отца он унаследовал красноватый оттенок кожи и неукротимую энергию; от деда по матери – склонность к деспотизму и тонкое политическое чутье. Геральд Камбрийский, писатель, хорошо знакомый с семьей Плантагенетов, оставил наглядный портрет Генриха в его зрелые годы:

Генрих II был краснолиц и веснушчат, с крупной круглой головой и серыми глазами, яростно сверкавшими и наливавшимися кровью в гнев. Он был вспыльчив и разговаривал резким, надтреснутым голосом. Шея его слегка выдавалась вперед, грудь была квадратной и широкой, а руки мощными и сильными. Сложения он был коренастого, с заметной склонностью к полноте – по природе, а не от неводержанности, – с которой старался справиться упражнениями. В еде и питье он был умерен и скромен...

Генрих с детства отличался явной храбростью, даже безрассудством. Свой второй визит в Англию, в 1147 году, он совершил уже не с учебной, а с военной целью. Ему бы-

ло только 13, когда он ухитрился собрать небольшой отряд наемников и переправился с ними через Ла-Манш, спеша прийти на помощь матери. Явление неуправляемого подростка на короткое время повергло Англию в ужас: ходили слухи, что парень привел с собой тысячное войско и привез кучу денег. Истина была скорее похожа на фарс: малолетний Генрих вряд ли мог заплатить даже своим солдатам, которые бросили его уже через несколько недель. («Ослабленные ленью и бездельем, побежденные бедностью и нуждой, они оставили благородного юношу», – писал Вильям Ньюбургский.) Стефан не принял глупых слухов всерьез: его это вторжение скорее позабавило, чем напугало. Чтобы выйти из неловкой ситуации, король заплатил наемникам Генриха вместо него и отослал мальчика домой в Нормандию.

И тем не менее такая решительность в столь юном возрасте сулила Генриху большое будущее. Нахальное вторжение 13-летнего юнца в Англию, причем в одиночку, – пусть и неудачное, это не столь важно, – демонстрировало, что Генрих с пользой провел время подле отца, руководившего военной кампанией в Нормандии. Жоффруа Плантагенет вовлекал сына в государственные дела как минимум с 1144 года, когда тот присутствовал при подписании им хартии в Анжере, столице Анжу. Затяжная военная кампания, которую Жоффруа вел в сложных условиях политической раздробленности французских земель, разворачивалась у Генриха на глазах. Он знал, что его воспитывают как будущего гер-

цога Нормандии, и, скорее всего, рассчитывал стать еще и графом Анжуйским.

Наверное, именно в дни, проведенные рядом с Жоффруа, Генрих стал таким искусным наездником. Сопровождая отца по Анжу и Нормандии, он проводил верхом долгие часы, научившись галопировать на скорости, которую позже назовут легендарной. (Со временем ноги Генриха искривятся по форме седла, которое они вечно сжимали.)

Жоффруа наверняка должен был настойчиво обучать сына вести дела и войны в ненадежной, коварной стране. Политическая обстановка во Франции XII века была нестабильной и часто зависела от грубой силы, но Жоффруа был виртуозным игроком. Страна была раздроблена на бесхозные и переходящие из рук в руки районы, которые мало подчинялись какой-либо центральной власти. Огромными территориями правили представители знатных родов, которые по большому счету были не более чем полевыми командирами.

Наблюдая, как методично его отец прокладывает путь к завоеванию Нормандии, Генрих понял, что политическое выживание – игра, победу в которой приносит умение предвосхитить смену власти, лавировать между сиюминутными друзьями и врагами, в нужное время вступать в альянсы с правильными союзниками, способными подкрепить твои территориальные претензии. В таком запутанном мире выживает самый изворотливый.

В этих феодальных играх у Генриха теоретически име-

лось одно огромное преимущество. Он был сыном императрицы и мог претендовать на английский престол. Во Франции не было недостатка в могущественных герцогах и графах, но королей было всего два: король Англии и король Франции. Стать значительной силой на континенте, противостоять новому королю Франции Людовику VII, унаследовавшему трон в 1137 году! Генрих знал: он не просто владетельный граф или герцог, каких немало, но в первую очередь «Генрих, сын дочери короля Генриха I и законный наследник Англии и Нормандии».

Когда юный Генрих в 1147 году приехал в Англию, его главной задачей было показать себя достойным продолжателем дела императрицы. Королевская кровь – это важно; но теперь ему требовалось признание пэров. Здесь-то ему игодились долгие дни в седле: юноша отправился на север, где его ждал дядя матери, король Давид Шотландский, чтобы посвятить в рыцари.

Генриха препоясали мечом в Карлайле на Троицу 1149 года. Приобретя рыцарское звание, он решил продемонстрировать всей Англии, что и воинской отваги ему не занимать. На обратном пути на юг он попытался атаковать Йорк. Предприятие окончилось неудачей, и Генрих, подгоняемый войсками короля, бежал к Ла-Маншу. Шестнадцатилетнему рыцарю удалось пробраться на юго-запад, отбить атаку сына Стефана Евстахия на город Девайзес и удрать в Нормандию. Это, конечно, трудно назвать удачной вылазкой, но это был

самый большой успех, которого его семье удавалось достичь на английском фронте с 1141 года.

К 1149 и 1150 годам стало ясно, что Генрих – баловень судьбы. Он набрал политический вес. В 1150 году отец официально объявил его герцогом Нормандским – Генрих начал пользоваться этим титулом за несколько месяцев до того. В августе 1151 года герцог Нормандский Генрих принес оммаж королю Людовику VII Французскому от имени Нормандии: торжественное и публичное подтверждение его герцогских прав и достоинства.

В сентябре Жоффруа Плантагенет умер. Ему было всего 39 лет. Согласно Жану из Мармутье, Жоффруа возвращался с королевского совета, и «в Шато-дю-Луар его привезли уже в лихорадке. [Он] упал на ложе. Затем, пророчески заглядывая в будущее своих людей и земель, он запретил своему наследнику Генриху насаждать традиции Нормандии или Англии в собственном графстве, равно как и наоборот». И еще: «Смерть такого великого правителя была предсказана кометой, и его тело вернулось с земли на небо».

Таков был внезапный конец насыщенной событиями жизни Жоффруа Плантагенета. Теперь ответственность за судьбу дела Анжу полностью легла на плечи его старшего сына. Восемнадцатилетнему герцогу Нормандии Генриху пришлось пройти долгий путь, чтобы реализовать амбиции своих родителей. Ему предстояла нелегкая борьба. Но награда, которую сулила победа, превосходила всякое воображение.

Скандальный брак

18 мая 1152 года Генрих, герцог Нормандии, обвенчался с Алиенорой, герцогиней Аквитанской в кафедральном соборе Пуатье. Устроенный наспех и в обстановке строжайшей секретности брак был заключен со всей возможной поспешностью. Последствия этого брака будут сотрясать Европу и десятилетия спустя.

Генрих, как и его отец, взял в жены женщину старше себя. Алиеноре было 28. Генриху только исполнилось 19. Он был неутомимым молодым солдатом, мало озабоченным внешними атрибутами знатности. Его невеста, напротив, была невероятно эффектна и известна всему христианскому миру своей незаурядной красотой, бьющей через край сексапильностью и неуступчивостью в делах политики. И что самое важное, всего за два месяца до свадьбы с Генрихом она была королевой Франции: женой Людовика VII, матерью двух французских принцесс. Принадлежавшее ей герцогство Аквитанское, простиравшееся от границ Анжу до Пиренеев, составляло значительную часть территории, на которую распространялось влияние французской короны.

Брак с Алиенорой Аквитанской стал для Генриха одной из величайших в жизни удач. Амбициозный молодой игрок на поле европейской политики не мог найти себе более завидной невесты. Приданым Алиеноры было богатство, власть

и обширные земельные владения. Сама она была опытным политиком и самостоятельным правителем. А то, что еще недавно она была супругой Людовика VII, дополнительно повышало ее ценность в глазах герцога Нормандии, мечтавшего утвердиться в статусе первого французского сеньора.

История жизни Алиеноры замечательна сама по себе. Старшая дочь Гильома X, герцога Аквитании и графа Пуату, покровителя искусств и завзятого вояки, который то грызся с папским престолом, то благочестиво смирялся перед Церковью, родилась в 1124 году. Поэтический талант, как и истовая набожность, всегда были присущи герцогам Аквитанским. Дед Алиеноры Гильом IX, «герцог-трубадур», был, вероятно, величайшим острословом и поэтом своего времени. Он писал баллады на языке юга Франции – окситанском – и рассказывал в них истории о любви, рыцарском героизме и галантности, которые стали неотъемлемой частью романтической культуры тех мест. Его имя – как и имена его потомков – неразрывно сплелось с представлением о рыцарской романтике, служившей лейтмотивом его поэзии. Слава Аквитанского дома зиждилась на его славе.

Гильом IX умер в 1126 году, вскоре после рождения Алиеноры. Одиннадцать лет спустя, в 1137 году, совершая паломничество в Сантьяго-де-Компостела, внезапно скончался ее отец, Гильом X. Его смерть сделала 13-летнюю Алиенору единственной наследницей одного из крупнейших

доменов в Европе и одновременно беззащитной сиротой, отчаянно нуждавшейся в покровительстве.

Аквитания тогда представляла собой огромный, беспорядочно раскинувшийся и очень слабо управляемый регион, составлявший больше четверти от всей территории средневековой Франции. Ей принадлежали Гасконь, города Бордо и Байонна, графства Сентонж, Ангулем, Перигор, Лимузен, Овернь и Ла Манш. Влияние герцогов Аквитанских распространялось на север до графства Пуату и на юг, где у них были связи с Наваррой и Барселоной. Аквитания, благодатная плодородная страна, торговала вином и солью через гасконские порты на атлантическом побережье. Важной частью доходов герцогства был туризм: на пути в Компостелу у благочестивых паломников была возможность насладиться аквитанским гостеприимством и пополнить запасы, прежде чем устремиться к выжженным солнцем перевалам Пиренеев. Для того, кто контролировал его, герцогство обещало стать неиссякаемым источником богатства, власти и культурного влияния.

Однако контролировать Аквитанию было нелегко. Аппарат власти был чрезвычайно слаб. Кучка беспокойных мятежных вельмож устраивала свары за права и полномочия, а их верность сюзерену была, как правило, не более чем номинальной. Всем было очевидно, что это не то место, где может править 13-летняя девочка. Король Франции Людовик VI действовал без промедления: через три месяца по-

сле смерти отца Алиенора вышла замуж за 17-летнего сына короля, принца Людовика, в кафедральном соборе Бордо. Брачный союз с прямым наследником французской короны передавал Аквитанию под непосредственный контроль Парижа.

Не успели отгреметь свадебные колокола, как новоиспеченный свекор Алиеноры Людовик VI скончался. Юная герцогиня стала королевой Франции.

Королева южного происхождения поначалу чувствовала себя не в своей тарелке, столкнувшись с высокомерным аскетизмом парижского двора. Культура региона Иль-де-Франс, расположенного в центре северофранцузской низменности, сильно отличалась от нравов славного герцогства Аквитанского. Даже язык там был другим: северный лангедойль был мало похож на лангедок, на котором говорили Алиенора и большая свита, которую она привезла с собой. Алиенора, типичная темпераментная и беззаботная южанка, и привлекала, и пугала своего юного супруга. Людовик VII держался скромно, замкнуто и благочестиво, а Алиенора вовсю наслаждалась привилегиями своего королевского положения. И сама она, и ее свита одевались и вели себя вызывающе. Людовик же носил рясу и скудно, почти по-монашески питался. По словам Вильяма Ньюбургского, Алиенора позже жаловалась, что в лице Людовика вышла «замуж за монаха, а не за монарха». Алиенора окунулась в бурную жизнь высшего света, чем шокировала окружение своего мужа.

С самого начала этот брак был исключительно неудачным как в личном, так и в политическом плане. Алиенора могла, как писал известный французский аббат Бернард Клервоский, «жестко отстаивать свою позицию». Она подтолкнула Людовика к нескольким неразумным авантюрам, включая бессмысленную войну с графством Шампань, спровоцированную младшей сестрой Алиеноры Петрониллой, опрометчиво выскочившую замуж за графа Вермандуа. Очень быстро Алиенора заслужила во Франции репутацию скандалистки, сеющей политический хаос. В 1140-х годах дурная слава уже бежала впереди нее. Когда Алиенора в 1147 году сопровождала Людовика во Втором крестовом походе на Восток, чуть ли не каждое ее движение искажалось слухами. Ее обвиняли (напрасно) в разрушительных внезапных атаках врагов на силы крестоносцев; ее подозревали (безосновательно) в сговоре – или в интрижке – с дядей, принцем Раймундом Тулузским, правителем Антиохии. Позднее летописцы даже пустили слух, что у нее был роман с великим мусульманским правителем Саладином и что она пыталась сбежать с ним на лодке – недурная зарубка на кроватном столбике Саладина, учитывая, что во время Второго крестового похода ему было всего десять лет. По пути домой Людовик и Алиенора остановились в Тускуле, чтобы встретиться с папой римским Евгением III. Тот выступил в роли брачного консультанта и даже подарил супругам для примирения кровать, задрапированную принадлежавшим ему богатым пологом.

Но и это не сработало. Несмотря на то что Алиенора родила Людовику двух детей – графиню Шампани Марию в 1145 году, а в 1150 году Алису, графиню Блуа, – к началу 1150-х годов стало ясно, что их брак долго не протянет. Вероятно, семью можно было бы сохранить, роди Алиенора сына, но увы. После Рождественской курии, отмечавшей наступление 1152 года и проходившей в Лиможе, на земле Алиеноры, всем стало очевидно: брак французского короля скоро отправится в разбухшую мусорную корзину истории Капетингов. 21 марта 1152 года собрание французских епископов постановило, что Людовик и Алиенора связаны кровным родством. Их брак был объявлен недействительным. Алиенора получила назад свое герцогство Аквитанское, а Людовик, как все Капетинги до него, начиная с Филиппа I, аннулировал брак. Продолжить королевский род наследником предстояло другой женщине. И вряд ли Алиенора испытывала что-то кроме облегчения.

Однако это приятное чувство омрачалось пониманием, что теперь, в возрасте 28 лет, она так же уязвима, как и в день смерти отца. Герцогиня Аквитанская, опять незамужняя и больше не под защитой французской короны, вернулась на брачный рынок: и недостатка в претендентах на ее руку не было. В марте 1152 года она отправилась в опасный путь по долине Луары, из Божанси в Пуатье, столицу своего герцогства. Она путешествовала с чрезвычайной поспешностью, зная, что местность вокруг таит опасность. Уже рас-

пространилась новость, что Алиенора больше не королева Франции. Говорят, что ее преследовали сразу два владетельных князя, надеясь похитить и силой сделать своей женой. По словам летописца из Тура, и граф Блуа Тибо V, и Жоффруа Плантагенет Молодой (16-летний младший брат Генриха, второй сын императрицы Матильды) собирались перехватить ее по пути. Если бы одному из них это удалось, она не была бы уже хозяйкой своей судьбы и самой жизни.

Но полтора десятилетия закалки в горниле французской политики научили Алиенору выживать. Она прекрасно понимала, что брак необходим и неизбежен, но намеревалась заключить его на своих условиях. И пока, ускользнув от преследователей, она изо всех сил гнала в Пуатье и думала о том единственном мужчине, что сможет обеспечить ее будущее, Генрих Плантагенет, герцог Нормандии, граф Анжу, Мена и Турени, будучи в Лизьё, на побережье Нормандии, готовил вторжение в Англию, где собирался востребовать корону от имени матери.

Генрих уже встречался с Алиенорой – в прошлом, 1151 году, когда сопровождал отца на мирные переговоры в Париже. Весьма вероятно, что несчастливая королева и амбициозный Плантагенет приметили друг друга еще тогда. Было ли заключено формальное соглашение, нам неизвестно. Но можно предположить, что Алиенора бросила взгляд своих соблазнительных темных глаз на молодого герцога Нормандского; наверняка и Генрих засматривался на при-

влекательную зрелую королеву и просчитывал шансы.

Но нет никаких сомнений в том, что к 1152 году к свадьбе все уже было готово. По приезде в Пуату Алиенора отправила Генриху послание, призывая его немедленно остановить вторжение в Англию и приехать жениться на ней. Генрих тут же отложил планы по завоеванию беспокойного королевства короля Стефана. «Герцог, очарованный благородством этой женщины и соблазненный желанием получить принадлежащие ей великие владения, не теряя времени зря и взяв с собой всего нескольких спутников, очень быстро покрыл большое расстояние и немедленно заключил союз, о котором уже давно мечтал», – писал Вильям Ньюбургский.

Итак, Генрих Плантагенет женился на Алиеноре Аквитанской. Скромная церемония прошла в кафедральном соборе Нотр-Дам-ля-Гранд в Пуатье 18 мая 1152 года – меньше чем через два месяца после аннулирования брака с Людовиком. Свадьба была тихой, но заметно нарушила баланс сил своей эпохи. Больше всех потерял Людовик VII. Конечно, он не ожидал от Алиеноры ничего другого, кроме нового замужества, но был вправе рассчитывать, что Генрих, как его вассал, и Алиенора, как бывшая жена, испросят разрешения на брак. То, что они этого не сделали, терзало его всю жизнь. Как писал Генрих Хантингдонский, женитьба Генриха на Алиеноре «стала причиной и источником великой ненависти и раздора между королем и герцогом».

Повторный брак Алиеноры, которая вышла замуж за Ген-

риха – а не за его брата Жоффруа Молодого или за Тибо Блуаского, – в мгновение ока перекроил карту Франции. Владения Генриха – Нормандия, Анжу, Мен и Турень – слились с огромным герцогством Аквитанским. Один вассал теперь контролировал практически все западное побережье королевства и почти половину его внутренних территорий. Желая аннулировать брак с Алиенорой, Людовик поступал вполне понятно. Позволив же ей упасть в объятия Генриха Плантагенета, он совершил непростительный просчет.

Мучения Людовика усугублялись еще и тем, что через несколько месяцев после своего скоропалительного брака Алиенора забеременела, а Генрих вернулся к своим планам по завоеванию Англии. Какая насмешка над неспособностью Людовика зачать с Алиенорой еще одного ребенка! Кроме того, его дочери Мария и Алиса вскоре могли лишиться всяких прав на аквитанское приданое. В ближайшее время на свет появится наследник Плантагенетов, который будет когда-нибудь править не только Нормандией и Анжу, но и Аквитанией. А через два года в состав этого домена войдет и английское королевство.

Генрих завоеватель

Мальмсбери, несчастному городку в Уилтшире, досталось так же сильно, как и любому другому английскому городу в страшные годы крушения. Морозным январским днем 1153 года Генрих Плантагенет стоял у его стен в боевом настроении. Совершив тяжелую и опасную переправу через зимний Ла-Манш, его суда пристали к английскому берегу в седмицу Богоявления: восьмидневный праздник, которым христиане отмечают поклонение волхвов младенцу Иисусу. Но Генрих пришел не поклониться, опуститься на колени и принести ценные дары. Он прибыл в сопровождении 140 рыцарей и привел с собой вооруженную до зубов трехтысячную армию.

Мальмсбери пребывал в жалком состоянии. Его стены и окруженный рвом замок за время гражданской войны осаждали как минимум трижды, а жителей терзали и грабили несчетное число раз. Теперь у стен его стоял Генрих, готовый разрушить то немногое, что от городка осталось. Автор «Деяний Стефана» пишет:

Когда жители взобрались на городские стены, приготовившись обороняться, [Генрих] приказал одним из своих солдат, людям величайшей жестокости, которых он привел с собою, стрелять в защитников города из луков и метательных орудий, а другим –

приложить все усилия, чтобы разрушить стену.

Шум, наверное, стоял неимоверный: свист арбалетных болтов, вопли спасающихся бегством горожан, грохот огромных камней, которые осадные машины обрушивали на крепостные стены. Проливной дождь и ветер хлестали как атакующих, так и обороняющихся; мокрая грязь облепляла их с головы до ног. К стенам приставили лестницы, и лютые наемники Генриха с легкостью взобрались наверх. Горожане в ужасе бежали в церковь, пытаясь найти спасение в местной монашеской обители. Наемники, перебравшись через стену, бросились в погоню. Если верить летописцу, церковь была разгромлена, монахи и священники убиты, а алтарь осквернен.

Король Стефан ожидал вторжения герцога, но не предвидел атаки на Мальмсбери. Силы короля осаждали мятежный город Уоллингфорд, и он рассчитывал, что Генрих тоже явится туда и вступит в битву. Генрих же не собирался оправдывать чьих-либо ожиданий. Король Стефан был вынужден выдвинуться навстречу захватчику и несколько дней спустя уже вел войска на запад. «Это была огромная армия со множеством баронов, их стяги сверкали золотом, прекрасные и грозные», – писал Генрих Хантингдонский. «Однако Господь, в ком единственное спасение, оставил их». Погода была мерзкой; войско Стефана мало верило в своего предводителя. «Небеса разверзлись, и в лицо им летели такие лютые порывы ледяного ветра и проливного дождя, что

казалось, будто сам Господь сражается на стороне герцога. Армия короля с трудом могла держать оружие и свои отяжелевшие от воды мокрые копья».

Промокшие и деморализованные, солдаты Стефана отказались сражаться. Гражданская война тянулась ужасно долго, а вступать в бой в таких условиях было чистым самоубийством. Надежд на награду или на победу было немного, и в армии Стефана назревал бунт. «Король... удалился, не достигнув своей цели», – писал Вильям Ньюбургский. Захватчик одержал свою первую победу.

Позже, описывая происходящее, Вильям Ньюбургский заметил, что после Мальмсбери «Нобли королевства... теперь постепенно обращались к [Генриху], настолько, что, благодаря блеску его успехов, слава герцога... уже затмила королевский титул его противника». Но все было не так просто. Критически оценивая положение дел в Англии, Генрих осознал, что королевство измотано войной. Именно его реакция на эти обстоятельства, а не только военные победы, позволила ему добиться успеха большего, чем достался его матери.

Во-первых, Генрих увидел, что наемники, которых он привез с собой, внушали населению не доверие, а страх. Англия и так уже кишела иностранными солдатами, воюющими за деньги, и простой люд их не выносил. «Будучи не в силах терпеть и дальше их грубую необузданную бесцеремонность, [бароны] посоветовали герцогу отправить наемников по домам, дабы их предосудительная дерзость не навлекла

по воле Божьей больших несчастий на него и его людей», — записано в «Деяниях Стефана».

Демонстрируя гибкость ума, которая хорошо послужит ему и в будущем, Генрих прислушался к совету и выслал 500 наемников обратно в Нормандию. Но месть Господня их все-таки настигла. Когда они вышли в море, поднялся жестокий шторм и потопил всех.

Генрих не стал обрушивать новых военных бедствий на истощенное королевство, а вместо этого попытался найти мирный подход к английским вельможам, баронам и прелатам. При посредничестве архиепископа Теобальда Кентерберийского и епископа Генриха Винчестерского были открыты каналы для переговоров со Стефаном. Магнаты постепенно переходили на сторону юного герцога.

Самым влиятельным из присоединившихся к нему баронов был Роберт, граф Лестер. Он, как и его брат-близнец Галеран, принадлежал к элите англо-нормандского нобилиитета, которая много лет была верна Стефану. Крупные земельные владения Лестера располагались в центральной части страны, что дало Генриху существенное территориальное преимущество в сердце Англии. Но граф, кроме всего прочего, укрепил партию Генриха еще и ценными личностными качествами и опытом — и до конца жизни оставался одним из наиболее надежных и близких ему людей. Это был действительно превосходный тип аристократа, который и импонировал, и требовался Генриху: Лестер приближался

к 50 годам, был грамотен и дисциплинирован. Он воспитывался с Вильгельмом Аделином; детьми он и его брат Галеран были любимчиками при дворах Европы и еще сопливыми юнцами забавы ради участвовали в дебатах с кардиналами. При Генрихе I и Стефане близнецы были роялистами, но неспособность Стефана гарантировать сохранение за ними земель в Нормандии подорвала их поддержку и политическую волю.

Оставив Стефана, Лестер высветил сложное положение всех англо-нормандских феодалов, разрывавшихся между своими нормандскими владениями, гарантированными Плантагенетом, герцогом Нормандии, и английскими землями, которые теоретически защищал Стефан. Задачей Генриха было доказать другим, таким как Лестер, что он способен обеспечить их право собственности и в Англии, и в Нормандии и больше не навлечет на них войну и разорение. Именно это обязательство, в конце концов, и лежит в основе королевской власти.

Итак, Генрих посвятил весну 1153 года широкой «рекламной кампании». Совершив поездку в Бристоль и Глостер, которые всегда были на стороне его матери, он отправился в путь по беспокойным срединным землям. Неустойчивый мир здесь держался на личных договоренностях между феодалами. Эта земля со всей наглядностью показывала, насколько провальным было царствование Стефана. Государственной власти не существовало.

Генрих подавал себя политическому сообществу прежде всего как хорошего правителя, а не как хорошего главнокомандующего. Он не разорял земли – он по всей стране устраивал приемы и приглашал влиятельных людей прийти к нему с миром. Он не сжигал посевы – он издавал хартии, гарантирующие феодалам сеньориальные права и земли не только в Англии, но и в Нормандии. Он подтвердил свою приверженность закону, признав, что права на пожалованные им английские земли должны быть утверждены законодательно. Его поездка по Англии все больше походила на триумфальный тур: Генрих рекламировал себя как достойную альтернативу королю и быстро расширял круг поддержки среди политического сообщества.

Но полностью избежать столкновений было невозможно. В июле 1153 года Генрих встретил Стефана при Уоллингфорде, городе, приютившемся у излучины Темзы к юго-востоку от Оксфорда, в опасной близости к Вестминстеру и Лондону. Стефан осадил верную Генриху крепость; к тому же местность здесь была усеяна меньшими по размеру укреплениями сторонников короля: существовала практически постоянная система обороны. Генрих привел войска с целью снять осаду и с надеждой, что конец войны близок.

Король Стефан ждал. В начале августа его великолепное войско выступило в поход навстречу герцогу. Но, как и в Мальмсбери, армия отказалась сражаться. Как сказано в «Деяниях Стефана»: «...командиры с обеих сторон... укло-

нились от столкновения: ведь это была не заурядная стычка соседей; дело грозило опустошением целого королевства». Люди устали не столько от правления Стефана, сколько от гражданской войны. «Бароны, эти предатели Англии... не хотели драться, как не хотели и победы ни одной из сторон», – писал Генрих Хантингдонский. Но эти «предатели Англии» уже два десятка лет страдали от гражданской войны и понимали, что победа одной из сторон в битве выльется в массовую конфискацию земель и усугубит жестокие разногласия в королевстве. Пришло время для перемирия. Генрих и Стефан согласились на переговоры. «Король и герцог, разделенные небольшим ручьем, беседовали с глазу на глаз, обсуждая заключение прочного мира, – писал Генрих Хантингдонский. – Мирный договор начался здесь, но не был завершен до следующего случая». Условия мира становились ясны обоим: Стефан должен признать Генриха Плантагенета своим преемником на троне Англии и начать процесс врачевания глубоких ран, нанесенных стране войной, которую вели их семьи. Оставалось лишь одно крупное препятствие.

Мирный процесс

В 1153 году старшему сыну короля Стефана, Евстахию IV, графу Булонскому, исполнилось 23 года. Он уже был ветераном долгой войны, которую его отец вел с Плантагенетами. Евстахий вырос, не зная ничего другого, кроме битв и раздоров, ему всегда говорили, что он – будущий король, и поощряли с мечом в руках отстаивать свое право на корону. Он был наследником своего отца – и неудивительно, что герцог Нормандии Генрих был его злейшим врагом.

Генрих возносился со скоростью метеора. Всего за три года (с 1150-го по 1153-й) из безземельного сына амбициозного графа он превратился в бесспорного хозяина половины Франции. Он восстановил против себя многих, и Евстахия прежде всего. Евстахий задался целью увидеть – словами нормандского хрониста Роберта де Торины, – как «ожидание почти всех нормандцев, что герцог Генрих быстро потеряет все свои приобретения», воплотится в жизнь со всей возможной скоростью. Он вступил в союз с Людовиком VII, на сестре которого, Констанце, был женат, и с братом Генриха, Жоффруа Плантагенетом-младшим, который был обижен на Генриха, поскольку считал, что тот лишил его части отцовского наследства. Вместе они замыслили вести войну против герцога Нормандии при любом удобном случае.

Евстахий определенно терял больше всех от сближения

Стефана с Генрихом. Его положение было чрезвычайно слабым. Из-за разногласий между Стефаном и папой Евгением III Евстахия до сих пор не объявила соправителем отца, что в те времена уже вошло в обычай. На горизонте маячил мирный договор, по условиям которого Стефан мог лишиться своих сыновей (Евстахия и его младшего брата Вильгельма) наследства и назвать своим преемником Генриха. После Уоллингфорда такое развитие событий казалось более чем вероятным.

По словам автора «Деяний Стефана», Евстахий был «весьма зол и раздражен тем, что война, по его мнению, не пришла к должному завершению». Чтобы дать волю своим гневу и разочарованию, он помчался на восток в Бери-Сент-Эдмундс, где устроил совершенно бессмысленную оргию разбоя и поджигательства.

Однако, к несчастью для Евстахия, Господь – или, может быть, святой Эдмунд – был начеку и наказал неправедных. В начале августа 1153 года, практически сразу после самозабвенного припадка буйства, Евстахий заболел и умер. Причиной посчитали то ли испорченную пищу, то ли глубокое горе. Циники подозревали отравление.

Смерть Евстахия разбила Стефану сердце. Но, с другой стороны, она была ниспослана провидением, поскольку открывала возможность для переговоров, в результате которых герцог Генрих мог бы занять место Стефана. Соглашение было заключено в виде своего рода официального усынов-

ления, передававшего корону Плантагенетам и раз и навсегда завершавшего войну. Второй сын Стефана, Вильгельм, явно был сговорчивее своего покойного брата и в качестве компенсации за отказ от всяких притязаний на трон удовольствовался крупным земельным владением.

Переговоры высоких сторон длились все лето под патронажем архиепископа Теобальда Кентерберийского и брата короля Стефана, Генриха, епископа Винчестера. В ноябре 1153 года на встрече в Винчестере было заключено перемирие. Стефан официально признал Генриха как своего сына и наследника. «Какая неоценимая радость! Что за благословенный день! – ликовал Генрих Хантингдонский. – Король лично встретил молодого принца в Винчестере во главе великолепной процессии ноблей и прелатов, в окружении ликующей толпы». Впервые с 1135 года Англия могла питать надежду на мир и процветание под единой, цельной и неделимой королевской властью.

Мир был скреплен глубоко символичной церемонией в знаковом месте. В Винчестере английские короли венчались на царство; древний собор был местом упокоения святого Свитуна и таких легендарных королей саксов, как Эдвиг. Все видные люди королевства собрались в выстуженном соборе, чтобы услышать слова короля Стефана и герцога Генриха.

Король Стефан – ему шел 62-й год – с честью исполнил свою роль. «Незловивый и кроткий, добрый человек», – так описывают его «Деяния Стефана». Рядом с неопытным,

лохматым, рыжеволосым 20-летним Генрихом он казался осколком уходящего поколения. Но держался он с достоинством и обратился к собранию со словами, от которых его старший сын, наверное, перевернулся в своей свежевырытой могиле.

«Да будет вам известно, что я, король Стефан, назначил Генриха, герцога Нормандского, своим преемником на троне Англии и моим законным наследником, – сказал Стефан. – Этим я передаю ему и его наследникам и утверждаю за ними Английское королевство».

Генрих сделал соответствующее заявление. Затем, в присутствии своих будущих подданных, он принес оммаж Стефану и принял оммаж младшего сына Стефана, Вильгельма. Это была явная и недвусмысленная презентация нового порядка вещей. На глазах собравшихся возникала новая королевская династия, причем при передаче власти удалось избежать правового хаоса, сопутствующего узурпации трона или перевороту. Блестящей дипломатией и грамотным военным командованием Генрих проложил себе путь к английскому престолу.

Празднование было пышным. Стефан в сопровождении своего приемного сына проехался по древней столице Англии: «Прославленного юношу с восторгом приветствовали в городе Винчестере; блистательную процессию епископов и известных людей возглавлял король, – писал Вильям Ньюбургский. – Затем король повез герцога в Лондон, и там его

с радостью приветствовала толпа простых людей и великолепная процессия...» Винчестерский мирный договор был скреплен печатью и оглашен в Вестминстере. «Мир взошел над разрушенным королевством, – писал Генрих Хантингдонский, – положив конец трудной ночи».

Во время переходного периода, с момента объявления Генриха наследником и до дня своей смерти, старый король согласился следовать советам будущего короля. Вместе они начали длительный процесс восстановления разрушенного королевства. Перед ними стояли три основные задачи: подавить насилие и мародерство; изгнать наводнившие страну банды иностранных наемников; и срыть замки, которые как грибы возникали по всей стране в годы царствования Стефана.

Но не все в Англии поддерживали мирный процесс. На встрече в Кентерберии в марте 1154 года Генриху рассказали о готовящемся покушении на его жизнь, спланированном отступниками фламандцами. Поговаривали, что и сын Стефана Вильгельм знал о нем. Рассудив, что сейчас ситуация в Англии достаточно стабильна, так что его постоянное присутствие не требуется, но в то же время достаточно опасна, чтобы оправдать его отъезд, Генрих решил вернуться в Нормандию. Пока Стефан был занят проблемами на севере Англии и вводом в обращение новой монеты, Генрих немедленно покинул Англию, по пути к Ла-Маншу остановившись в Рочестере и Лондоне.

В конце октября 1154 года Генрих участвовал в кампании Людовика VII по усмирению мятежных вассалов на границе Нормандии и Франции в регионе Вексен. Там его и настигло известие о смерти Стефана. По словам хрониста Гервазия Кентерберийского, Стефан захворал 25 октября 1154 года, когда встречался с графом Фландрии. «Короля сразила внезапная боль в животе, сопровождаемая излитием крови (такое уже случалось с ним и раньше), – писал Гервазий. – Его отнесли в постель в [монастыре Дувра], где он и скончался». Стефан был похоронен в клюнийском монастыре в Фавершеме, в графстве Кент, рядом с женой, королевой Матильдой, чьего мудрого совета он лишился с ее смертью в мае 1152 года, и со своим вспыльчивым сыном Евстахием.

Стефан умер безутешным. Он был одержим королевским титулом и церемониалом, и горечь от невозможности свободно выбрать и объявить одного из своих сыновей наследником умножалась унижением, какое нанесла ему потеря лояльности и поддержки со стороны поклявшегося ему в верности нобилитета, переметнувшегося на сторону Генриха, стоило тому ступить на английский берег. Но, хотя царствование его было катастрофически неудачным, мир Стефана, тщательно спланированный и с охотой поддержанный крупными феодалами, имел оглушительный успех. Генриху и Стефану удалось сконструировать механизм, обеспечивший первую почти за 70 лет мирную передачу королевской власти. Генрих прибыл в Англию, чтобы востребовать коро-

ну, только в декабре 1154 года – он не спешил, зная, что политическое сообщество полностью признает его и нуждается в нем. Царствование Генриха обещало стабильность и неделимую королевскую власть, которой остро не хватало в прошлые, горемычные 19 лет. Более того, он уже хорошо себя проявил. Без сомнения, Генрих, епископ Хантингдонский, льстил в панегирике новому королю, но у него были основания для радужных надежд:

Англия, так долго скованная смертельным холодом!
Ты согреваешься, оживленная теплом нового солнца.
Ты поднимаешь склоненную голову и, вытирая слезы
горя, плачешь от радости... Со слезами ты молвишь
такие слова своему приемному сыну: «Ты дух, я плоть:
с твоим приходом я возвращаюсь к жизни».

Часть II

Эпоха империи (1154–1204)

*Самый благородный и самый победоносный,
Что рождался на земле со времен Моисея,
За исключением лишь короля Карла [Карла
Великого]...*

Джордан Фантом (о Генрихе II)

*Король, что отстаивает свои права,
Имеет больше прав на наследство.
Войной и милосердием стяжает
Король себе славу и земли.
Бертран де Борн*

Рождение и возрождение

Король Генрих II был коронован в Вестминстерском аббатстве 19 декабря 1154 года. Подле него сидела королева Алиенора на последних сроках беременности. Церемонию, за которой наблюдала вся церковная и светская знать Англии, провел старый архиепископ Теобальд Кентерберийский. Генрих стал первым правителем, коронованным новым титулом «король Англии», а не прежним – «король ан-

гличан». Коронация прошла в обстановке всенародного воодушевления. «По всей Англии люди кричали: "Да здравствует король!" – писал Вильям Ньюбургский. – [Они] превосхищали лучшие времена при своем новом суверене, отличающемся большим благоразумием и твердостью, в котором была видна строгая внимательность к правосудию и который с самого начала нес на себе печать великого государя».

Коронационная хартия Генриха была адресована всем знатным людям королевства. В ней король заверял, что гарантирует им все «уступки, дары, свободы и вольности», которые признавал за ними Генрих I, и что он упразднит «дурные обычаи». Никаких конкретных обещаний он не сделал и, в отличие от своего предшественника Стефана, не вспоминал о «добрых законах и обычаях», действовавших во времена Эдуарда Исповедника. Однако в хартии особо подчеркивалось желание Генриха трудиться ради «улучшения всего моего государства»

Новому королю Англии исполнился 21 год; он был хорошо образован, мыслил как законодатель и знал несколько языков, хоть и говорил только на латыни и французском – и, скорее всего, понимал не только северный его диалект, но и южный, поскольку родным языком его жены был окситанский. Он поражал современников своей невероятной целеустремленностью и особенно преданностью псовой и соколиной охоте – на головокружительной скорости он скакал верхом по лесам и паркам своих обширных владений, пре-

одолевая за раз огромные расстояния. Геральд Камбрийский так описывал короля, с которым был хорошо знаком лично:

Его пристрастие к охоте не знает меры; как только забрезжит рассвет, он, оседлав коня, уже летит по пустошам, носится по лесам или взбирается на вершины холмов; и так он проводит дни без отдыха. Вечером, по возвращении домой, его нельзя застать сидящим ни до, ни после ужина... Он изматывает весь свой двор, вынуждая придворных постоянно стоять...

И еще:

Он был прост в общении, снисходителен, покладист и остроумен, сравниться с ним в любезности не мог никто... решительный на войне... очень осмотрительный в мирной жизни... Он был свиреп к тем, кто еще не укрощен, но милостив к побежденным; груб со слугами и приветлив с незнакомцами; расточителен на людях, расчетлив в глубине души... Он усердно старался достичь мира и сохранить его, милосердие его не поддается сравнению; преданный защитник святой земли; любитель смиренномудрия, притеснитель знати, презирающий спесивых.

Придворный писатель Уолтер Мап рисует похожий портрет. Генриху «посчастливилось иметь крепкое здоровье и привлекательную внешность... он хорошо образован... открыт к общению... всегда в разъездах, подобно гонцу, за раз он покрывает непомерные расстояния». Он испытывал «мало сострадания к слугам и домочадцам, его сопровождал

шим... был очень опытен в псовой и соколиной охоте, и обожал борзых». Даже если в характеристиках, которые давали ему придворные писатели, немало общих фраз и прямой лести, очевидно, что люди, знавшие Генриха лично, считали его ярким, успешным, деятельным правителем.

С ранних лет Генрих вел бродячую жизнь. Он тратил огромные средства на свои великолепные дворцы и замки, но редко останавливался в них надолго. Путешествующий двор Генриха свидетели описывали как отвратительный, грязный и вонючий, и говорили, что вино там подавали такое кислое, что его приходилось цедить сквозь зубы. Жизнь в постоянном движении диктовала свои условия. Хронист Радульф де Дисето упоминал, с каким изумлением Людовик VII комментировал умение Генриха буквально из-под земли возникать где угодно и без предупреждения. «Он будто летает, а не скачет на лошади», – говорил французский король. Как писал биограф XII века Герберт из Бошема, Генрих был подобен «человеку-колеснице, которая все тащит за собой».

Но вряд ли король мог таскать за собой молодую семью, и после торжественной коронации Плантагенеты обнаружили, что им нужно где-то жить. Их первому сыну, Вильгельму, на момент коронации родителей было чуть больше года; второй сын, Генрих, родился 28 февраля 1155 года. Алиеноре и мальчикам нужен был дом на время пребывания в стране. Огромный англосаксонский Вестминстерский дворец в

годы гражданской войны пришел в запустение и для жилья был непригоден. Поэтому в 1155 году королевская семья переехала в замок Бермондси, расположенный на противоположном берегу Темзы, в удалении от центра Лондона.

Отсюда Алиенора могла посещать Лондон, когда только пожелает. Английская столица, должно быть, показалась ей оживленным, процветающим городом: битком набитым торговцами и развлечениями, паяцами и жонглерами, преступностью, грязью, отчаянием и милосердием. Кентерберийский клирик и биограф Уильям Фиц-Стефен оставил известное восторженное описание города, каким он был в 1170-х, – вынеся за скобки бескрайний энтузиазм автора, можно предположить, что Алиенора, поселившись в Англии, увидела Лондон примерно таким же:

[Лондон] славен целебным климатом и христианским благочестием, мощью стен и местоположением, честью горожан и целомудрием горожанок, он приятен своими развлечениями и знаменит благородными мужами... в Лондоне и пригородах имеется 13 больших монастырских церквей, кроме 126 маленьких приходских. На востоке высится большая и мощная королевская цитадель, внутренний двор и стены которой воздвигнуты на глубоком фундаменте, скрепленном раствором на крови животных. На западе находятся два хорошо укрепленных замка, а стены города высокие и толстые, с семью двойными воротами и на севере укреплены

через равные промежутки башнями... Также на западе над рекой возвышается королевский дворец – здание несравненное, с крепостным валом и укреплениями; он расположен в двух милях от города, в многолюдном пригороде... На севере также находятся поля, пастбища и живописные луга с бегущими по ним речками, которые с приятным рокотом приводят в движение мельничные колеса. Невдалеке стоит огромный лес с густой чащей, убежище диких зверей: оленей, серн, вепрей и туров...

Люди различных занятий, продавцы различных товаров и поденщики всякого рода ежедневно утром занимают свои места, каждый в зависимости от его занятия. На берегу реки в Лондоне, среди винных лавок, находящихся на кораблях и в погребах, имеется открытая для всех харчевня. Здесь ежедневно, в зависимости от времени года, можно найти тертые, жареные, вареные кушанья, крупную и мелкую рыбу, грубое мясо для бедных и более изысканное для богатых, дичь и разную птицу... В этом городе купцы всех народов, живущих под небесами и плавающих по морям, рады вести торговлю...¹

Это был шумный, живой, многонациональный город, и он наверняка пробудил воспоминания Алиеноры о Париже – величайшей из столиц Северной Европы, с его реками, дворцами и просторными лугами: город, где она впервые ста-

¹ Цит. по: Городская жизнь в средневековой Европе. – М.: АН СССР, 1987/ Пер. Н. А. Богодаровой.

ла королевой. Однако Лондон явно подходил ей лучше, поскольку в свой первый приезд в Англию Алиеноре удалось то, что очевидно не удавалось, когда она была королевой Франции: она практически непрерывно рожала здоровых детей. В сентябре 1155 года, едва оправившись от рождения юного Генриха, она снова забеременела: девочка, Матильда, родилась в июне 1156 года и получила имя в честь императрицы, которая так долго сражалась, чтобы завоевать Плантагенетам новое великое королевство.

Возможно, рождение Матильды несколько облегчило горе, выпавшее на долю Алиеноры в июне 1156 года, когда умер ее первый сын, Вильгельм. Мальчику было всего три года. Его с почестями похоронили в Редингском аббатстве, в ногах прадеда, Генриха I. Это было время великой скорби для семьи. Но в Средние века от смерти ребенка не были застрахованы и короли, и лучшее, что можно было предпринять, – это рожать как можно больше детей. Без перерыва и без задержки в Англии родились еще два мальчика: Ричард, в Оксфорде в сентябре 1157 года, и год спустя, чуть ли не день в день, – Джеффри.

Генрих, Матильда, Ричард и Джеффри – к Рождеству 1158 года Генрих и Алиенора растили четверых здоровых детей, старшему из которых не исполнилось и четырех лет. Еще трое их детей доживут до взрослого возраста: Элеонора (родилась в 1162 году), Иоанна (1165) и Иоанн (1167). Два периода рождения детей разделяет разрыв в четыре года: это

время Генрих провел вдали от жены, управляясь с отдаленными областями королевства.

Пока Алиенора была занята первым длинным циклом беременностей, Генрих разъезжал по королевству, занимаясь государственными делами и дипломатией, попутно уделяя время своей великой страсти – охоте. Путешествуя, Генрих определял подходящие места как для размещения правительственных учреждений, так и для собственно охоты. Очень скоро по его возвращении в Лондон началась работа по превращению охотничьих заимок в Кларендоне и Вудстоке в полноценные замки, не уступающие по комфорту и пышности европейским.

Но все дворцы мира не могли решить основной вопрос 1150-х годов: как новый король собирается восстанавливать страну, до основания разрушенную гражданской войной? Англия обеспечила Генриху Плантагенету то, что Ричард из Пуатье называл «уважением и почтением к его королевскому имени». Но эту богатую землю, с ее городами и портами, крепко пьющим, тяжело работающим населением и древней историей, нужно было спасти от застоя. Генрих должен был заново утвердить в государстве королевскую власть, которой обладал его дед Генрих I. Англию нужно было завоевать заново.

Страна лежала в руинах. При Стефане доходы казны упали на две трети. Королевские земли, замки и должности раздавались направо и налево, часто в вечное владение. Осу-

ществляемых шерифами сборов с поместий, которые были основным источником доходов короля, поступало удручающе мало. Многие графства присваивали себе королевские полномочия, и казалось, что управление некоторыми районами страны не просто неудовлетворительно, но и в принципе невозможно. Отношения короны с Церковью зашли в тупик по причине длительного разлада между Стефаном и архиепископом Теобальдом из-за разграничения юрисдикций. Крепости, понастроенные, когда нормандцы завоевали Южный Уэльс, попали в руки баронов и местных князьков. Север Англии фактически находился под властью шотландского короля.

Основной задачей Генриха было потушить очаги мятежа. В своей коронационной хартии он довольно обдуманно избегал подтверждения любых привилегий и прав собственности, дарованных Стефаном, не делая исключения ни для служителей Церкви, ни для мирян. Все, что было приобретено после царствования Генриха I, считалось незаконным, если только владение не было утверждено новым королем. Генрих II приказал вернуть короне все замки, города и земли, полученные при Стефане, а затем отозвал графские титулы, которые Стефан раздавал своим сторонникам. Во многих случаях конфискованные земли возвращались затем прежним владельцам, но Генрих ясно дал понять: власть теперь исходит от него, и каждый лорд обязан своим положением и имуществом короне Плантагенетов.

Тогда же, сразу после Рождества 1154 года, Генрих развернул быструю кампанию по разрушению незаконных крепостей и высылке иностранных наемников. Сотни замков пали в 1155 году жертвой ошеломляющего проекта сноса. Бегство фламандских солдат, которых так не любили и хронисты, и обычные люди, сопровождалось треском ломающихся деревянных балок.

Генриху пришлось применить серьезные меры лишь к нескольким баронам. Вильям Омерльский, так укрепившийся в Йоркшире, что власть короля туда практически не распространялась, лишился своей земли и замка Скарборо, высокой каменной цитадели на мысу, господствовавшей над продуваемым всеми ветрами северо-востоком королевства и подходами к нему с моря. Роджера Херефорда же, лорда Валлийской марки, – из тех, что вечно готовы оспаривать власть короля, – убедили сдать крепости в Глостере и Херефорде при деликатном посредничестве его кузена, Гилберта Фолиота, епископа Херефорда.

Генрих Блуаский, епископ Винчестера и брат Стефана, предпочел бежать из страны, лишь бы не подчиниться преемнику брата. При этом он сдал Генриху шесть своих замков. Единственным феодалом, который заставил короля взяться за оружие, был Гуго де Мортимер, лорд Вигмор, который до поздней весны держался за три замка в центре страны и вынудил Генриха выдвинуть против него армию. И даже ему позволили сохранить свои земли после формального подчи-

нения Генриху.

То, что эта операция мгновенной зачистки проводилась в духе примирения, а не отмщения, — в значительной мере заслуга предыдущих успешных дипломатических усилий Генриха в процессе утверждения и соблюдения условий Винчестерского мира. Тот факт, что он почти не встретил сопротивления, что не возникло угрозы серьезного соперничества за трон, демонстрировал широкую поддержку, какой пользовалась сильная, единая власть Генриха. Он обращался с мечом и весами правосудия как настоящий король; более того, он продолжал плодить детей, буквально сеял семена будущей стабильности. Но скорость, с которой шло воссоединение, была не роскошью, а необходимостью. Не стоит забывать, что Англия была лишь частью огромного домена Плантагенетов.

В 1156 году Генриху пришлось покинуть Англию, чтобы призвать к порядку мятежников в Анжу, возглавляемых его младшим братом Жоффруа. Проблемный юнец Плантагенет был уверен, что по условиям завещания отца Генрих, завоевав Англию, должен передать ему как второму сыну Анжу, Мен и Турень. И действительно, весьма вероятно, что именно таково было намерение старшего Жоффруа Плантагенета. Не бывало еще такого, чтобы Англией, Нормандией и Анжу правил один человек.

Но Генрих не собирался отдавать исконно принадлежавшие Плантагенетам земли докучливому младшему брату.

Жоффруа показал свою ненадежность и вероломство, когда в 1151 году присоединился к Людовику VII и Евстахию, чтобы атаковать позиции Генриха в Нормандии. Отдать Жоффруа земли, расположенные как раз между Нормандским герцогством Генриха и Аквитанским герцогством Алиеноры, значило напрашиваться на неприятности. Кроме того, это разрушило бы мечту Генриха безраздельно править огромным лоскутным одеялом земель.

Но Жоффруа требовалось убажить. Раскол между братьями был очень серьезным, что показало семейное совещание, состоявшееся в Руане 2 февраля 1156 года под материнским присмотром императрицы Матильды. Генрих провел переговоры с Жоффруа, самым младшим братом Гильомом и с тетушкой Сибиллой, графиней Фландрии. Чтобы изолировать брата дипломатически, в конце января Генрих принес ленную присягу Людовику VII за Нормандию, Анжу и Аквитанию и отправил послов к новоизбранному папе Адриану IV с просьбой освободить его от клятвы исполнить последнюю волю отца. Он был намерен сохранить контроль над Анжу любой ценой.

Миротворческие усилия не увенчались успехом. После встречи в семейном кругу Жоффруа взбунтовался. Распря завершилась позже в том же году, когда народ Нанта и нижней Бретани избрал Жоффруа своим новым графом. Счастливая случайность обеспечила Жоффруа богатой землей, которую он мог назвать своей, и сгладила обиду, которую,

как он считал, нанес ему возвысившийся старший брат, лишив наследства отца.

Довольный Генрих обеспечил избрание Жоффруа на новую стратегически важную позицию. Из наследства Плантагенетов он выделил ему в качестве подарка один приграничный замок – Луден и денежное довольствие. Это была приемлемая цена за подавление семейного раскола, отвлекающего от более важных дел. К тому же новое положение Жоффруа в Нанте распространяло семейное предприятие Плантагенетов ниже по течению Луары и ближе к морской границе Бретани – практически единственному во Франции выходу к морю, который они еще не контролировали.

Жоффруа был удовлетворен, а вскоре, в 1158 году, очень кстати умер. Однако вся эта история показала, что, как бы искусно ни утихомиривал Генрих новое королевство, ему придется приложить титанические усилия, достойные Александра Македонского и Карла Великого, чтобы уберечь свои обширные континентальные владения от распада.

Вселенная плантагенетов

1150-е были славным десятилетием для Генриха. Еще в 1151 году его положение было сравнительно слабым и неустойчивым, но с тех пор он значительно расширил пределы своей власти. Он продвигался настойчиво и неустанно. В 1155 году папа Адриан IV (единственный в истории англичанин на этом высоком посту) дал Генриху благословение распространить власть английской короны на Ирландию, издав папскую буллу *Laudabiliter*, в которой призывал Генриха реформировать ирландскую церковь. Генрих не озаботился немедленным исполнением буллы, но принцип был установлен. В 1157 году Генрих принял оммаж Малькольма IV Шотландского в замке Пeverил, вернув Англии северные земли, утраченные в годы гражданской войны: он обменял их на графство Хантингдон, исконно шотландское владение. В том же году Генрих распространил свое влияние и на Уэльс, желая вернуть Англии доминирующую позицию на юге, какой страна обладала во времена его нормандских предков. В ходе крупнейшей военной операции той кампании его чуть не убили из засады в лесу Эуло, недалеко от замка Флинт, и воинственные валлийцы, искушенные в партизанской войне, показали ему такими же свирепыми противниками, как и всем его предшественникам. Однако два великих валлийских князя – Оуэн Гвинед и Рис ап Гриффит из Дехейбар-

та – были вынуждены уступить перед лицом превосходящей военной мощи противника. Это развязало Генриху руки для дальнейших действий, и в 1158 году он под угрозой применения военной силы заявил права на графство Нант, распространив свою власть на герцогство Бретань. В том же году он обручил своего старшего сына Генриха с дочерью Людовика VII Маргаритой, приданым которой, подлежащим передаче при заключении брака, стал нормандский Вексен – крошечный, но стратегически важный участок границы между регионом Иль-де-Франс и Нормандией.

Шаг за шагом, фронт за фронтом Генрих доказывал всем князьям и королям, с которыми сталкивался, что Плантагенеты – это сила, с которой следует считаться. К концу 1150-х годов Генрих уже владел территориями, о которых даже не мечтал ни один из его предков. Однако он все еще не утолил своих амбиций. Казалось, ему и целого мира было мало.

В разгар лета 1159 года, когда солнце безжалостно жгло южные долины Франции, по направлению к Тулузе громыхала гигантская армия. В стенах города 35 000 душ тряслись от страха, прислушиваясь к поступи пехотинцев, топоту копыт боевых коней и скрипу повозок, к реву труб, к барабанной дробе, к чудовищному скрежету осадных орудий. Армия приближалась, громя все на своем пути. Кагор, Овиллар и Вильмюр были разорены и сожжены. Посевы пылали, имения опустошались. Весь регион Тулузы пристально следил за новым бичом Запада. «Генрих Второй запугал не только

Прованс вплоть до Роны и Альп, – сообщал писатель и дипломат Иоанн Солсберийский. – Разрушая крепости и покаяя народы, он грозил и правителям Испании и Галлии».

Армия, с которой Генрих II пересек Южную Францию в июне 1159 года, превосходила все, что ему удавалось собрать прежде или впредь. Расходы на наемников превысили 9000 фунтов: весь доход королевской казны за предыдущий год. Поэт Стефан из Руана писал, что Генрих пришел с «железом, метательными орудиями и осадными машинами», а нормандский хронист Роберт де Торињи называл армию Генриха «военной силой всей Англии, Нормандии, Аквитании и прочих подчиненных ему провинций». Цели его не вызывали никаких сомнений. Генрих пришел как завоеватель: он хотел отнять Тулузу у ее правителя, графа Раймунда V, и присоединить ее к своему герцогству Аквитанскому. «Король требовал наследство своей жены Алиеноры», – лаконично писал Торињи. Но Генрих смотрел дальше. Он вел обширную кампанию с целью утвердиться в качестве владыки необъятных земель, простирающихся от шотландских гор до подножия Пиренеев.

В походе участвовали многие высокородные мужи. Малькольм IV Шотландский – сосед, с которым король недавно примирился, снарядил на юг флотилию и присоединился к армии Генриха в Пуатье. Южные лорды Раймунд Беренгер IV, граф Барселоны, и Раймунд Транкавель, лорд Безье и Каркасона, примкнули к нему, воодушевленные перспекти-

вой извести соседа. И где-то в центре этого войска ехал верхом священник в шлеме и в латах, организовавший всю кампанию: Томас Бекет, канцлер Англии и архидьякон Кентерберийский. Доспехи его сверкали на солнце. Говорили, что Бекет возглавлял личное войско в семь сотен рыцарей. Эта цифра почти наверняка преувеличена, но Бекет, без сомнения, собрал внушительный отряд, особенно для священнослужителя.

Осада Тулузы продлилась с июня по сентябрь 1159 года и показала, насколько амбициозные цели ставил перед собой Генрих II в начале правления. Король посвящал массу времени и усилий реорганизации и закреплению за собой обширных территорий, которыми завладел между 1149 и 1154 годом. Но останавливаться на достигнутом он не собирался. Тулузская кампания была логичным продолжением стратегии, принятой им после усмирения Англии. С высоты прошедших веков тактика Генриха напоминает имперскую экспансию: он собирал армии, часто довольно многочисленные, и вторгался на территории, прилегающие к его уже и так обширным границам, словно бы желая стать не просто герцогом или королем, но императором.

На самом же деле его политика была более прагматичной. Генрих хотел, говоря простыми словами, реализовать все свои права и использовать все подвораживающиеся возможности. Иногда он действовал военными средствами, а порой прибегал к дипломатии. При любом удобном случае он тре-

бовал признать его власть: развязывая войны на периферии, Генрих сплетал воедино непрочную сеть своих огромных территорий. Тулуза была еще одним приграничным регионом, в котором его власти бросили вызов. Он вел не столько завоевательную войну, сколько войну за официальное признание.

Тулуза оказалась пресловутым крепким орешком. Алиенора Аквитанская в какой-то мере могла претендовать на это графство через Филиппу, свою бабушку по отцу, которую обошли наследством в 1090-х. В 1141 году первый муж Алиеноры Людовик VII попытался овладеть городом, как Генрих в 1159-м, но потерпел поражение. Генриха II это не охладило. У него был удобный предлог, деньги для набора крупной армии и политический вес, приобретенный после покорения Уэльса и Бретани. Оба региона он принудил к повиновению, припугнув своей военной мощью. Принявшись за Тулузу, Генрих применил ту же стратегию.

Нет сомнений, как писал Иоанн Солсберийский, что принцы Испании и Галлии обратили внимание на размер войска, мобилизованного Генрихом и препорученного заботам блестящего канцлера Бекета. Однако они скептически оценивали шансы Генриха на победу. Тулуза, большой, хорошо защищенный город, располагалась в месте, где Гаронна делала крутой поворот. Город делился на три укрепленных района. Древний римский город примыкал к огороженному стеной поселению, которое позже выросло вокруг необъ-

ятной и великолепной базилики церкви Сен-Сернен. Стена огибала оба эти района и проходила между ними, а с юга располагался замок Нарбонне, резиденция правителя города. Тулузу нельзя было уморить жаждой и заставить сдаться, потому что река обеспечивала постоянный приток воды и не пересыхала летом.

Несмотря на все усилия солдат Генриха и на все невзгоды, какие они навлекли на деревни и замки региона, скептики оказались правы. Как и Людовик в 1141 году, Генрих обрушил на защитников города всю свою мощь – и обломал себе зубы.

Почему же это огромное войско не смогло заполучить такой сравнительно небольшой трофей? Возможно, либеральное правление графов Тулузских нравилось народу больше агрессивного господства, какое сулила им захватническая армия Генриха. Возможно, выгодное расположение города действительно сделало его неприступным. Но в любом случае решающий удар по кампании Генриха был нанесен ранней осенью 1159 года, когда его захватил врасплох подошедший к Тулузе Людовик VII.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.